

СУДЬБА ПЕСЕН, СОБРАННЫХ П. В. КИРЕЕВСКИМ (история публикации)

Статья А. И. Баландина и П. Д. Ухова*

I

По завещанию П. В. Киреевского все его наследство после смерти перешло к детям брата, Ивана Васильевича, опекунами которых были назначены их мать — Н. П. Киреевская и В. А. Елагин. Сохранился любопытный документ — письмо А. П. Елагиной к некоему Льву Николаевичу об установлении опеки над малолетними наследниками. «После сына моего, орловского помещика Петра Васильевича Киреевского, — писала А. П. Елагина, — остались наследниками малолетние дети брата его, старшего моего сына Ивана Васильевича Киреевского, которым нужна опека. По общему согласию всей семьи мы избрали опекуном родного брата покойных, сына моего Василия Алексеевича Елагина, вместе с матерью малолетних внуков моих Натальей Петровной Киреевской, потому прошу вас, милостивый государь, учредить над имением опеку и назначить их опекунами»¹.

Собрание песен Киреевского, таким образом, оказалось в руках В. А. Елагина, человека, который, по его собственным словам, в песнях ничего не понимал и не интересовался ими². Отношение Елагиных к Собранию Киреевского характеризует и письмо Е. И. Елагиной к В. С. Аксаковой от 26 декабря 1856 г.: «Василию завещал он <Киреевский. — А. В.> свой труд, дай бог ему силы исполнить это завещание честно, во всяком случае, приняться за него уже будет развлечение»³.

В последние годы жизни судьба Собрания, разумеется, волновала Киреевского. Он прекрасно понимал, что завершить начатое им дело сможет лишь человек, обладающий, во-первых, достаточной филологической подготовкой, а во-вторых, хорошо знакомый с материалами Собрания и его принципами издания фольклорных текстов. Этими качествами в то время, как никто другой, обладал П. И. Якушкин. Вот почему Киреевский «перед смертью выразил желание, чтобы подбор собранных им песен и окончательная редакция проведены были по всем правилам и в силу глубокого знания П. И. Якушкиным»⁴.

* Статья, посвященная эдипонно-текстологическому анализу «Старой» и «Новой» серий издания песен из Собрания Киреевского и рассказу о том, как были открыты обширные неизвестные части знаменитого Собрания, должна была быть написана автором этого замечательного научного открытия — П. Д. Уховым. Смерть прервала начатую исследователем работу. В его бумагах оказались лишь предварительные наброски статьи и заготовки материала для нее. Редакция «Литературного наследства» поручила А. И. Баландину написать новую статью. В ней использованы все упомянутые выше наброски и заготовки П. Д. Ухова, а также другие его выступления, устные и в печати, относящиеся к истории его открытия. — *Ред.*

На подготовку к изданию песен, собранных Киреевским, Якушкин действительно имел все права. Многие годы странствовал он по России, передавая Киреевскому собранные материалы. Его личный вклад в Собрание был весьма велик (см. об этом ниже, стр. 375—388). Хорошо знал он и принципы издания, выработанные Киреевским.

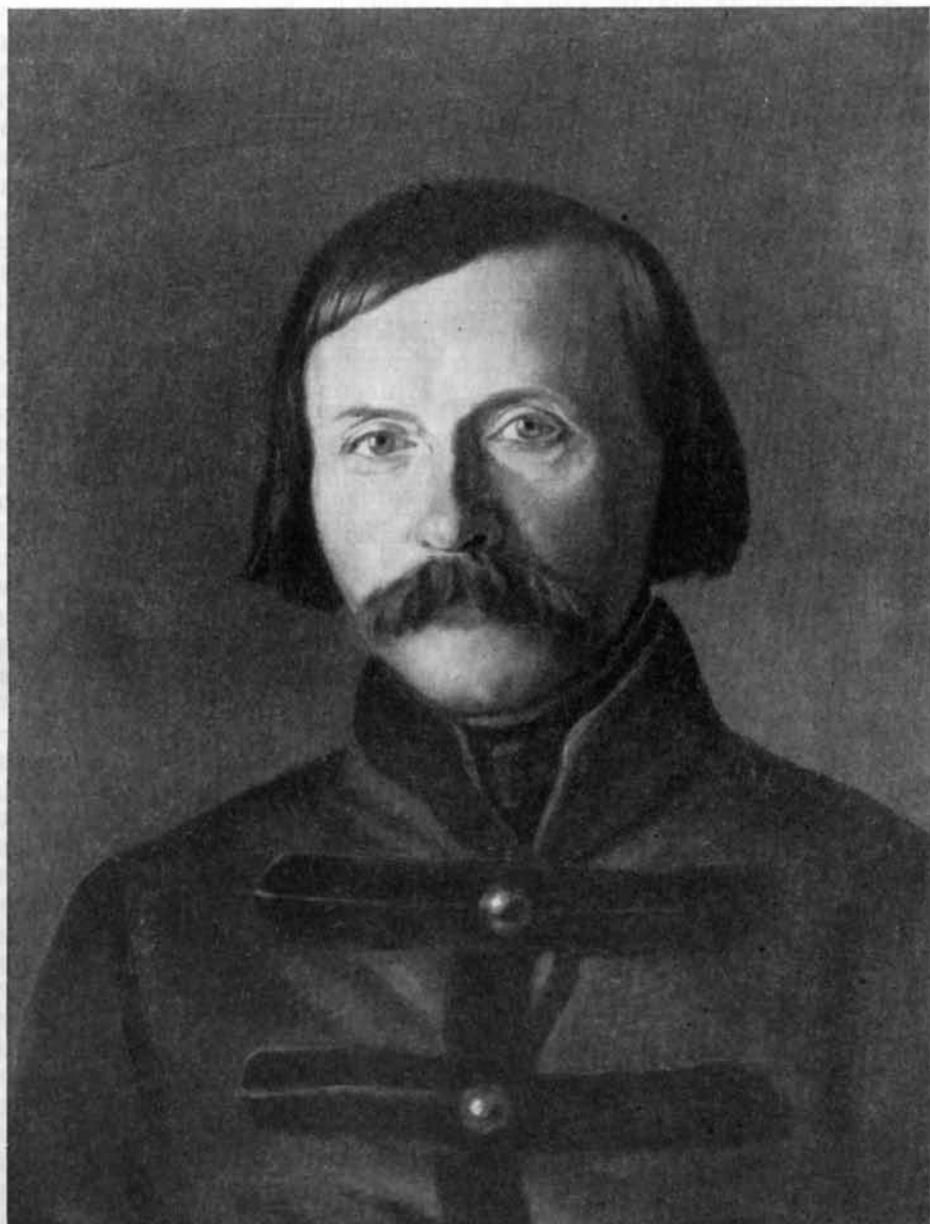
Якушкин сразу же приступил к работе. Позднее в статье «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен» (1863) он рассказывал: «Когда мне было поручено приготовить к изданию песни Петра Васильевича, в то время В. А. и Н. А. Елагины, М. А. Стахович и я составили опись, в двух экземплярах, всем песням и в том порядке, в каком они остались после смерти собирателя, и все четверо подписались под обоими экземплярами⁵. Думая, что издавать придется мне и не надеясь издать надлежащим образом, я поставил в неперемное условие, что по окончании работ, кем бы то ни было произведенных, рукописи все должны для проверки поступить или в Публичную петербургскую библиотеку, или в библиотеку Московского университета. Затем я немедленно приступил к работе»⁶.

Трудности встретились на первом же шагу: далеко не все песни, собранные Киреевским, были приведены хотя бы в относительный порядок и систематизированы, значительная часть их оказалась вообще утраченной. «При самой передаче мне песен В. А. Елагиным, — пишет Якушкин в той же статье, — я заметил страшный недочет в бумагах: по крайней мере, двух или трех стоп бумаги, исписанной песнями, *не оказалось*; потом я узнал, что сверх этой страшной потери пропало еще множество бумаг покойного Петра Васильевича, оставленных им в Москве»⁷.

Все это настолько мешало подготовке Собрания к печати, что В. А. Елагин вынужден был начать переговоры с издателями «Русской беседы» о специальном объявлении, в котором лицам, взявшим у Киреевского песни, был указан адрес нового владельца Собрания, В. А. Елагина. В одном из писем к А. И. Кошелеву (начало 1857 г.) он сообщал: «У многих знакомых покойного остались песни, принадлежащие к его собранию. Не узнав официально, кому поручена забота об этом собрании, они не могут переслать их мне. Короткое объявление с моим адресом о том, что *по воле покойного мне поручено это собрание*; что оно по тому самому находится у меня и готовится к изданию Павлом Ивановичем Якушкиным, не может быть отложено до мая месяца, таким образом на долгое время замедлится и весьма увеличится труд Якушкина. Он должен иметь под руками все варианты, а пересланы они будут нам только после печатного объявления. Вы говорили Якушкину, что, переделавши все неприличное, напечатаете извещение в 1 № „Беседы“; оно, кажется, даже было у вас готово; не знаю, почему отложено ваше это намерение. Вычеркнувши, переделавши все, что вам угодно, покорнейше прошу вас, почтеннейший Александр Иванович, послать хоть кому-нибудь известие о том, что порученное мне братом собрание находится у меня и готовится к печати г. Якушкиным.

Если бы месяц тому назад я сумел напечатать что-нибудь ясно, определенительно (и прилично), я не сомневаюсь, что все бравшие у Петра на прочтение части его собрания давно бы успели возвратить их в контору издания. Отложить это до мая — значило бы отложить до осени надежду собрать все, что необходимо для издания и даже для подготовительных трудов»⁸.

Переговоры с редакцией «Русской беседы» затягивались, поэтому объявление об издании песен Киреевского было дано в еженедельной литературной газете «Молва». Текст этого объявления хорошо известен⁹. В наиболее существенной части его говорилось следующее: «Обстоятельства, может быть, слишком строга отчетливость и, наконец, рановременная

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Портрет маслом работы Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е годы
Всесоюзный музей А. С. Пушкина, г. Пушкин

кончина собирателя были причиной того, что песни досель не изданы. Ныне все собрание, по завещанию покойного Киреевского, перешло к брату его (по матери) Василию Алексеевичу Елагину, живущему близ города Орла, в селе Бунине. Там занимается разбором песен и приготовлением их к изданию один из усерднейших помощников Киреевского в собирании их — *Павел Иванович Якушкин*. Все собрание простирается от 10 до 15 тысяч. Одних исторических песен, или былин, более 200. Песни свадебные, в числе 100, приготовлены совсем к изданию самим Киреевским. Кто сколько-нибудь знаком с приемами издания народных произведений, тому понятно, какие, часто неожиданные, трудности представляются в этой работе. Есть, однако, надежда, что в скором времени песни будут изданы. Покойный Киреевский многим сообщал для просмотра свои тетради и листки. Они теперь необходимы для дополнений и проверок, и потому все, у кого есть песни Киреевского, приглашаются возвратить их в общее собрание, адресуя посылки в *Орел для доставления в село Бунино, Василию Алексеевичу Елагину*¹⁰.

В научных и литературных кругах известие о предстоящем издании песен Киреевского было воспринято с одобрением. А. А. Котляревский в статье «Два вопроса исторической науки» писал: «... известие о сборнике покойного П. В. Киреевского, приготовляемом к скорому выходу в свет г. Якушкиным, пробудило много дорогих надежд, много светлых верований в великую будущность русской исторической науки»¹¹. Установить, пополнилось ли Собрание Киреевского ранее утерянными песнями, до сих пор не удалось. По-видимому, они так и не были возвращены в «контору издания»: Якушкин впоследствии энергично хлопотал о привлечении в сборник Киреевского новых песенных текстов.

Якушкину предстояло не только разобраться в архиве Киреевского и систематизировать весьма разнородный материал Собрания. Главное — нужно было выработать научные принципы будущего издания и разработать его общий план.

Исследователи довольно рано обратили внимание на то, что методы работы Киреевского над вариантами народных песен, вошедших в его Собрание, существенно отличались от принятых в научной практике того времени методов подготовки к изданию фольклорных текстов. «Русская беседа», например, сообщая читателям о том, что песни, собранные Киреевским, «приготовляются к изданию П. И. Якушкиным», писала: «Обыкновенный способ издания состоит в том, что принимается в основу лучший вариант, все же остальные, сколько-нибудь замечательные, означаются в выносках. Покойный Киреевский действовал несколько иначе, не удовлетворяясь таким, конечно, сподручным и, так сказать, механическим способом. Он также выбирал основным текстом лучший вариант, но чутким слухом, приобыкшим к красотам народной речи, тотчас замечал слово или стих искаженные, позднейшие, и вставлял на их место другие из остальных вариантов»¹². Приемы работы Киреевского над текстами народных песен, записанных в нескольких вариантах, впервые были раскрыты Якушкиным в предисловии к его собственной публикации песен, помещенной в «Отечественных записках» (1860), и в уже упоминавшейся статье «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен».

Киреевский рассматривал варианты многих народных песен как искаженные куски некогда существовавшего идеального текста. Он ставил перед собой задачу восстановить этот воображаемый текст или, по крайней мере, хотя бы приблизиться к нему. Выбирая из множества вариантов, с его точки зрения, наиболее ценный, Киреевский руководствовался прежде всего критерием древности текста. В предисловии к «Русским народным стихам» он писал: «Несмотря на то, что песни имеют такое значение в жизни русского народа, нельзя не признать мрачной истины,

в которой убедило меня многолетнее занятие этим предметом: что вся их красота, все, что составляет существенное достоинство их характера, — уже старина, и что эта старина уже не возрождается в новых, себе подобных отраслях, как было в продолжение стольких веков» (стр. II — III). Сохранность текстов с этой точки зрения была неодинакова. В одних песнях, например, сохранялся древний сюжет, но оказывался разрушенным народно-поэтический стиль, в других, наоборот, лучше сохранялась художественная образность. Поэтому Киреевский, выбирая за основу лучший текст, в процессе работы, по словам Якушкина, «составлял песню из различных вариантов, относя разности в примечания и таким образом сохраняя варианты и вместе выводя из них существенное содержание»¹³.

Якушкин впоследствии писал, что Киреевский «так составлял, что никто не нашел не только стиха, но ни одного даже слова, которое бы показалось не народным». «Под словом *составлял*, — пояснял далее Якушкин, — надо разуметь „воссоздавал“, т. е. Петр Васильевич Киреевский брал несколько вариантов одной и той же песни и выбирал из каждого варианта тот стих, который показался ему лучше. При этом он указывал добросовестно именно на тот вариант, которым он пользовался»¹⁴. Изучая приемы работы Киреевского над текстами народных песен, к этому же выводу пришел и М. Н. Сперанский: «Киреевский, обрабатывая песню, дорожил всякой ее чертой и вносил мелкие изменения лишь в случае крайне необходимом, по его мнению; давая реконструированную (...) песню, он давал налицо и весь материал этой реконструкции: таким образом ни одна записанная из уст народа песня, ни ее отдельное выражение не пропали»¹⁵. Киреевский «руководствовался только имеющимся у него материалом и никогда не изобретал ничего сам», — писал уже в наше время М. К. Азадовский¹⁶.

«Воссозданные», или сводные, тексты вошли, например, в сборник Киреевского «Русские народные стихи». Правда, публикация оказалась лишенной самой элементарной паспортизации: не указаны не только строки, взятые из того или иного варианта, но вообще не упоминаются даже и те варианты, на основе которых составлен сводный текст. Но это объясняется, по-видимому, тем, что сборник народных стихов в свое время не был полностью напечатан. Есть основания полагать, что необходимые варианты и примечания к ним должны были появиться в последующих выпусках. Так, издатели «Русской беседы», сообщая читателям о работе Якушкина над Собранием Киреевского, авторитетно заявляли, что варианты к народным стихам «приготовлены и сохранились в бумагах» Киреевского¹⁷. Позднее Бессонов утверждал, что значительная часть народных стихов, подготовленных Киреевским к печати, «затеряна и до сих пор не отыскана»¹⁸.

При подготовке сборника свадебных песен Киреевский иногда пользовался этим же методом свода. Укажем, например, на песню «В сыром бору на клену», составленную из двух вариантов, записанных Пушкиным¹⁹. В отличие от сборника народных стихов, в этом сборнике варианты и примечания к ним даны под каждым текстом. Например, к стиху «В этом тереме ходит-гуляет» пушкинской песни Киреевский дает примечание: «С этого стиха до конца песня пополнена из другого ее варианта, также записанного Пушкиным»²⁰.

Метод Киреевского для того времени имел положительное значение, поскольку его предшественники (отечественные и западноевропейские) считали себя вправе изменять народные песни в соответствии со своими вкусами и понятиями. Они свободно сокращали их, иногда решительно перерабатывали. Ничего этого Киреевский себе не позволял. Вот почему современники так высоко оценивали его работу. И все же сводный текст уже не был подлинным народным произведением. При такой обработке

широта содержания произведений сводилась к некоему образцу, совершенно утрачивалось своеобразие мастерства сказителей (певцов), нивелировался под образец язык песен и разрушалась местная песенная традиция. Поэтому Якушкин, слышавший песни в их живом бытовании, отказался от этого метода и выбрал иной: печатать наиболее ценный, как ему казалось, текст, а все варианты выносить в примечания. В предисловии к своему сборнику песен он писал: «... я же, не принимая на себя такой смелой задачи <речь идет о «воссоздании» песенного текста.— А. Б.>, только подвожу варианты, думая, что они должны быть сохраняемы»²¹.

В самый разгар работы Якушкина над Собранием Киреевского «Русская беседа», учитывая огромный интерес к принципам будущего издания, поместила «для примера две песни, одну в том виде, как приготовил ее к изданию П. В. Киреевский, и другую, приготовленную П. И. Якушкиным»²². Якушкин впоследствии перепечатал эти примеры в предисловии к своему сборнику песен: они подтверждали его выводы о значении песенного варианта и свидетельствовали о действительном отличии его принципов издания от принципов Киреевского.

Приведем начало песни, подготовленной к печати Якушкиным в процессе его работы над Собранием Киреевского:

Не кулик по болотам куликает,¹
 Молодой князь Голицын по лугам гуляет;²
 Не один князь гуляет — с разными полками,
 С донскими казаками, еще с егерями...³

Якушкину было известно восемь вариантов этой песни. Все они в примечаниях обозначены арабскими цифрами и перечислены: «Восемь вариантов: 1) Воронки Моск. губ. 2) Тульск. г. (пел солдат). 3) Калуж. г. Лихв. у., имение г. Полтова. 4) Орлов. г. Малоарх. у., с. Сабурово. 5) Мал. у. 6) Тульск. губ. 7) Орлов. г. и у. 8) Москов. г., с. Ильинское». Вариант первый, записанный в с. Воронки Московской губ., Якушкин принимает за текст и печатает его целиком. Уже к первому стиху песни он дает сноску, в которой указывает на разночтения в остальных вариантах. Выглядит это так: «¹ 2) *этого стиха нет*, 3) У нас только во болоте кулик куликает, 4), 6) Что ни кулик куликает, 5) Эх, да ни кулик-ат, братцы, во чистом поле куликает, 7) Ни куличинька по болоту куликает». В восьмом варианте этой песни, записанном в Московской губ., первый стих точно такой же, как и в первом, поэтому, Якушкин его и не приводит. Далее идут разночтения второго стиха: «² 2) Во лужках-то князь Голицын гуляет, 3) Вот наш да князь Голицын сы полком гуляе, 4), 6) Ни молодой князь... 5) Ально молодой... 7) Князь Голицын по лужечку гуляет, 8) По лужкам князь Голицын гуляет». Третий стих сноски не имеет: во всех восьми вариантах он одинаков. Четвертый стих имеет разночтения, которые Якушкин и приводит. И так — вся песня²³.

Как видим, вопрос о песенных вариантах был решен Якушкиным довольно удачно. Примечания к песне дают возможность без особого труда восстановить все изменения текста, отмеченные собирателями. Эти изменения не затрагивают содержания, поэтому Якушкин и выносит их в примечания к основному тексту песни.

Принцип издания исторических песен, записанных в нескольких вариантах, предложенный Якушкиным, выгодно отличается от принципа издания, выработанного Киреевским. Перед нами налицо все варианты песни. Исследователю остается изучать их, сравнивать и делать соответствующие выводы. Киреевский же давал сводный текст, вряд ли когда-либо существовавший. Давая разночтения песни, он вынужден был иные сти-

хи приводить дважды: в основном тексте и в соответствующем варианте. Так, в примечании к подготовленной им песне «Что при вёчере вечерничке», помещенной в той же «Русской беседе», читаем: «С 22-го стиха окончание взято из вар. В)... и дополнено 25-м стихом из Г)»²⁴. (Вариант В был доставлен Пушкиным, вариант Г — записан в Малоархангельском. Орловской губ.). Все это усложняло справочный аппарат издания.

Песни в Собрании Киреевского в жанровом отношении не были однородны. В Собрании были представлены духовные стихи, былины, исторические песни, обрядовая поэзия, лирические песни и т. д. Якушкину предстояло разработать общий план их издания. В свое время усиленно работал над таким планом сам Киреевский. Следы этой работы сохранились, например, в его письме к Н. М. Языкову от 21 февраля 1834 г.²⁵ Своими мыслями Киреевский, по-видимому, делился и с Якушкиным. Во всяком случае, план издания, разработанный Якушкиным, в общих чертах повторяет план Киреевского. В предисловии к собственному сборнику песен Якушкин писал: «Хотя в настоящее время казалось бы рано подводить песни под различные отделы, и хотя другая обязанность собирателя состоит еще в том, чтоб не мудрствовать лукаво и пока не извлекать из них теорий в пользу того или иного другого исторического и нравственного взгляда; но, для удобства употребления, необходимо подвести их под какие-нибудь рубрики. В этом отношении, сколько я мог убедиться при рассматривании бывших у меня под руками материалов П. В. Киреевского, песни могут быть безопасно разделены на следующие отделы: I) Стихи духовного содержания; II) Песни исторические, с которыми могут быть соединены и солдатские; III) Песни лирические, из которых некоторые, по своему содержанию несколько эпическому, принадлежат к области баллад, другие к ряду элегий. Впрочем, баллада так легко переходит в элегию и, наоборот, элегия в балладу, что строго разграничить их невозможно, по крайней мере, до времени, и наконец IV) Песни обрядные, т. е. а) свадебные, б) величальные, с) подблюдные, d) хороводные и е) праздничные»²⁶.

При всей условности этой классификации она сохраняет свое значение как своеобразный документ, свидетельствующий об уровне фольклористической науки того времени. Как видим, на первом месте в плане Якушкина стоят духовные стихи, однако в процессе работы он изменил свой план, сосредоточил основное внимание на былинах и исторических песнях.

Собрание Киреевского находилось в орловском имении В. А. Елагина Бунине, поэтому Якушкин на время переехал туда. Елагин позднее писал П. А. Бессонову: Якушкин «работал в моей комнате и в самом деле работал целое лето»²⁷. Елагин, по-видимому, уже тогда снабжал Якушкина деньгами: издание обещало принести немалый доход. Сохранился любопытный документ — расписка Якушкина в получении денег (от 2 апреля 1857 г.): «Взял у Василия Алексеевича Елагина сорок шесть рублей в счет суммы, сделанной мне по условию за приготовление песен к изданию»²⁸.

Поражает колоссальная работоспособность Якушкина: сборник исторических песен был подготовлен им уже к лету 1857 г. Об этом, в частности, свидетельствует его письмо к М. А. Стаховичу от 12 мая 1857 г. Якушкин писал: «Узнавал я по твоему письму, любезный Михайло Александрович, о твоём приезде в канцелярию губернатора — по тому делу (о помещиках) ты не скоро будешь вызван; а мне ты нужен донельзя; сделай одолжение приезжай в Бунино: ты, верно, не откажешься поработать недели две, а скоро будет поздно: я непременно хочу ехать в июне или, по крайней мере, в начале июля в Москву, отдам в цензуру исторические песни, взявши их оттуда, отдам в печать, другой отдел будет готов без цензуры, может

быть к генварю все будет издано. И мне бы очень хотелось тебе показать»²⁹.

Якушкин выехал в Москву, вероятно, в августе 1857 г. Он решает показать сборник видным ученым — фольклористам и знатокам народного творчества. В его статье «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен» читаем: «Приготовив исторические песни к изданию и не доверяя себе, я из Орловской губернии, где производились работы, отправился в Москву с единственною целью воспользоваться советами тамошних ученых; и как издание песен, по моему мнению, в чем верно согласятся и многие, должно быть исполнено под влиянием не одной какой-нибудь партии, а всех партий, то я и обратился за советом ко всем. Я показывал исторические песни П. А. Бессонову, И. Д. и И. В. Беляевым, К. С. Аксакову, Ф. И. Буслаеву, И. Е. Забелину, Т. И. Филиппову, А. Н. Островскому, В. М. Ундольскому, А. С. Хомякову, И. В. Павлову, и — представьте мое великое удивление: ни от одного из этих господ я не слышал ничего, кроме похвал, ни одного замечания!.. Другими словами, все они одобрили мои работы по изданию русских песен»³⁰.

Между тем В. А. Елагин не спешил отдавать сборник Якушкина в цензуру: он хотел лично заручиться одобрением К. С. Аксакова. Его жена, Е. И. Елагина, 12 августа 1857 г. писала В. С. Аксаковой: «Мой муж теперь в Москве с сестрой Машей, они поехали говеть, Василий желает показать Константину Сергеевичу исторический отдел песен, приготовленный Якушкиным к печати, если ваш брат одобрит труд этот, то скоро можно будет приступить к печатанию. Жаль будет мне, если муж не застанет семьи вашей в Москве. Хомяков, вероятно, уже уехал в деревню...»³¹.

Не застав семью Аксаковых в Москве, В. А. Елагин увез сборник Якушкина опять в Бунино. Сборник этот, как известно, не был издан. До последнего времени он считался вообще утраченным, разыскать его удалось лишь сравнительно недавно³².

В архиве Киреевского обращают на себя внимание отдельные листы формата в $\frac{1}{4}$, исписанные рукою Якушкина. Это оказались копии исторических песен и былин с оригиналов нескольких собирателей. Листы разбросаны по различным единицам хранения как в фонде Киреевского, хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, так и в фонде П. А. Бессонова, находящемся в Государственном историческом музее. При тщательном разборе листов оказалось, что это и есть сборник исторических песен Киреевского, подготовленный к печати Якушкиным.

Этот сборник Якушкина состоит из отдельных тетрадочек, исписанных аккуратно чернилами с обеих сторон (полевые записи Якушкин вел обычно карандашом и крайне торопливо). Аккуратный почерк свидетельствует о том, что эти листы предназначались для набора. Листы имеют тройную пагинацию. Римскими цифрами обозначены номера сюжетов песен, арабскими — их варианты. Арабскими же цифрами помечены и номера тетрадочек. Если какой-нибудь сюжет не помещался в одной тетради, то следующую тетрадочку Якушкин обозначал той же цифрой — дробью. В числителе указывался порядковый номер тетради, в знаменателе — номер тетради данного сюжета. Так, например, сюжет исторической песни о девице-половянке обозначается № XXV. Первые два варианта этой песни помещены в тетради № 41/1. Третий и четвертый варианты — в следующей тетради, которая имеет тот же порядковый номер и обозначена 41/2. К сожалению, римская пагинация проставлялась только перед первым вариантом и больше не повторялась. Поскольку сейчас найдены не все листы сборника, то иногда невозможно определить место данной песни в сборнике.

Многие исторические песни и былины сохранились (например, былины об Алеше Поповиче, Дюке Степановиче, Василии Буслаеве, Садко, князе Романе, песни о московском пожаре, Степане Разине, Петре I, Шеремете-

ве, Лопухине и др.), но ввиду того, что римской пагинации на них нет (утрачены первые варианты этих произведений), определить место их в сборнике довольно трудно.

Якушкин придерживается хронологического принципа в расположении материала, четко разграничивая сюжеты былин и исторических песен. Мысль о расположении песен в их исторической последовательности принадлежит, надо полагать, самому Киреевскому. Об этом в свое время заявлял и Якушкин³³. Эта мысль для того времени была смелой и оригинальной. Практическое ее осуществление принадлежит, несомненно, Якушкину.

Окрыленный похвалой столь авторитетных ученых и знатоков народного песенного творчества (в первую очередь Ф. И. Буслаева), Якушкин вернулся из Москвы в Бунино. Там он продолжал усиленно работать, подготавливая к печати сборники свадебных и лирических песен. Бумаги Киреевского, находящиеся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, хранят следы этой работы Якушкина. Так, на титульном листе белой папки № 1-а (ф. 125, п. 1) рукою Якушкина помечено: «Свадебные. Подобраны П. И. Якушкиным». В той же папке, или связке, как помечено ниже красными чернилами, содержится 525 свадебных песен. Пометка «Свадебные. Подобраны П. И. Якушкиным» встречается на титульных листах ряда папок. Все песни имеют сплошную нумерацию (1—4366). Они были пронумерованы, правда, значительно позднее А. В. Марковым (см. ниже). Любопытно отметить, что папка 4-я (№ песен 611—840) содержит классификацию обрядовых песен, принадлежащую, по-видимому, Киреевскому: «Обрядовые: 1. Свадебные. 2. Святочные. 3. Троицкие. 4. Хороводные. 5. Игрные». Классификация Якушкина, как мы уже видели, несколько отличается от этой классификации.

Работа над Собранием Киреевского шла настолько успешно, что, по словам Якушкина, «к осени 1857 г. сборник песен был почти готов»³⁴. «Надобно быть в этом деле определительнее в своих словах, — писал впоследствии Якушкин, — мне оставалось, без усиленного труда, работы еще недели на две, на три, и притом такой не важной, что я легко мог исполнить ее при держании корректур»³⁵.

Однако вскоре случилось нечто невероятное: в конце февраля 1858 г. Якушкин был отстранен от издания песен Киреевского, и в феврале 1860 г. Собрание было передано в Общество любителей российской словесности при Московском университете. Там была создана специальная комиссия по изданию песен Киреевского, в состав которой вошли П. А. Бессонов, К. С. Аксаков, В. И. Даль, С. А. Соболевский и Н. П. Гиляров-Платонов. В дальнейшем Собрание перешло в бесконтрольное ведение Бессонова, который и осуществил издание былин и исторических песен в 1860—1874 гг. («Старая серия»). Целиком же, как говорилось выше, Собрание Киреевского не издано до сих пор.

II

Причины внезапного отстранения Якушкина от издания песен Киреевского до последнего времени не были известны, хотя попытки объяснить случившееся предпринимались неоднократно. Историограф Погодина Н. П. Барсуков, например, объяснял все чистым недоразумением³⁶. М. Н. Сперанский же полагал, что «здесь имело место нечто вроде соперничества между П. И. Якушкиным и П. А. Бессоновым»³⁷. На первый взгляд эта точка зрения не лишена некоторого основания: полемика Якушкина с Бессоновым по поводу издания песен Киреевского занимает в этой истории не последнее место. Но следует иметь в виду, что эта полемика развернулась позднее, чем произошло отстранение Якушкина от издания

сказаться на качестве подготовленного к печати сборника. И Якушкин в конце 1857 г. выехал в Петербург, надеясь воспользоваться архивными материалами Русского географического общества. 12 января 1858 г. он писал Н. А. Елагину: «Вчера я был у Срезневского: он просил у меня хоть несколько песен для „Академических известий“; на что я ему сказал, что это совершенно не от меня зависит и что я только готовлю к изданию, но приготовлю или нет — то об этом рассудят умные люди, а этих умных людей будет искать Василий Алексеевич <Елагин. — А. Б.>; но что я попрошу Василия Алексеевича, ежели мне дадут для сборника Петра Васильевича сборник Географического общества, песню или две в полное распоряжение его, т. е. Срезневского»³⁹.

А 21 января 1858 г. Якушкин обратился к И. И. Срезневскому, в то время председателю Этнографического отделения Общества, с официальным письмом, в котором, в частности, говорится: «Вам известно, что я готовлю к изданию песни русские, собранные П. В. Киреевским; желая пополнить этот сборник, приведенный мною почти к окончанию, теми материалами, которые находятся в императорском Русском географическом обществе, я обращаюсь к вам, милостивый государь, как председателствующему в Этнографическом отделении этого Общества, с покорнейшею просьбою: исходатайствовать мне дозволение воспользоваться этими материалами.

При этом долгом считаю прибавить, что при издании русских песен я не премину указать на те источники, которыми пользовался»⁴⁰.

Соглашение с Срезневским об использовании материалов Русского географического общества для сборника песен Киреевского было достигнуто — в скорейшем выходе этого сборника была заинтересована вся образованная Россия. Однако Якушкин не имел возможности лично снять копии с архивных материалов: он выехал в Петербург с весьма скудными денежными средствами. В цитированном письме к Н. А. Елагину от 12 января 1858 г. есть строки: «Денег у меня довольно мало даже и для этого <т. е. для того, чтобы выехать из Петербурга. — А. Б.>. Сделайте одолжение, велите брату Семену (об его квартире можете узнать у И. С. Аксакова) выслать мне целковых хоть 30: он в Москве, ежели их у него и нет, может достать и прислать мне как можно скорее <...>, а ежели не скоро его сыщете, то, пожалуйста, попросите для меня у И. С. Аксакова или хоть своих пришлите, в четверг или пятницу мне хочется быть в Москве»⁴¹.

Перед отъездом в Москву Якушкин договорился с К. Д. Кавелиным, что тот вышлет в Бунино архивные материалы Русского географического общества. В Москве в доме Елагиных Якушкина ждал довольно странный прием: после бурного объяснения с Авдотьей Петровной двери ее дома оказались для него закрытыми навсегда.

Что же произошло в старинном московском особняке?

Авдотья Петровна Елагина играла видную роль в общественно-литературном движении первой половины XIX в. К. Д. Кавелин справедливо писал о ней: «Авдотья Петровна не была писательницей, но участвовала в движении и развитии русской литературы и русской мысли более, чем многие писатели и ученые по ремеслу»⁴².

А. П. Елагина ревниво следила за подготовкой к печати песен, собранных ее сыном. В письмах к В. А. Елагину она постоянно спрашивается о работе Якушкина, просит информировать ее о всех подробностях будущего издания. Известие о том, что Якушкин в Петербурге ведет переговоры с Срезневским о включении в сборник Киреевского материалов Русского географического общества, не на шутку рассердило Елагину: сборник, по ее мнению, должен содержать в себе «только Петрушины труды». К тому же Якушкин, как следовало из его письма к

Н. А. Елагину от 12 января 1858 г., готов отдать за материалы Географического общества часть Собрания в «Академические известия» Срезневского. Елагиной показалось, что высказываемые ею и раньше подозрения о том, что «сумасшедший» Якушкин распродаст все Собрание по журналам, подтверждаются. Встреча с ним в Москве лишь убедила ее в этом. В ее письме к В. А. и Е. А. Елагиным от 1 февраля 1858 г. читаем: «На Якушкина я сама бешусь. Знаете, что он сделал? выпросил Кавелина прислать к вам в с. Бунино песни, находящиеся в Географическом обществе<...> Пиши, Вася, немедля к Кавелину, чтоб он этого не делал, что Якушкин был к нему прислан не тобою (Кавелин принял его как друга, ибо от тебя), что ты хочешь издать одни песни, собранные Петром. Досадно, что связались с этим сумасшедшим»⁴³. О своем разговоре с Якушкиным Елагина вспоминала и позднее. 21 апреля 1858 г. она писала В. А. и Е. И. Елагиным: «Я сказала этому четвероглазому, что песни Географического общества и другие не могут входить в издание, *собрание* Петром, и что Вася будет издавать *только* Петрушины труды, а вовсе не может быть издателем *всех* народных песен. Он на это сказал, что если Вася не смыслит, то знает он, Якушкин, и должно издавать вместе. А я сказала нет, он один»⁴⁴.

Исключительный интерес представляет приписка Н. А. Елагина на письме Авдотьи Петровны к В. А. и Е. И. Елагиным от 4 февраля 1858 г. Советуя брату все-таки не огорчать Якушкина, а лишь «попросить оставить» издание песен Киреевского, Н. А. Елагин писал: «Я сказал и просил не беспокоиться; что чужих собраний издавать под именем Петра Васильевича не следует, что довольно того, что есть, и проч. Якушкин: „А если выйдет скоро и лучше собрание?“ — Помогай бог! — „Еще хочу просить вашего разрешения поместить несколько песен в журналах (верно запродам) из собрания Петра Васильевича“⁴⁵. — Откуда они у вас? — „Те, которые я пою, с голоса запишу“. — Я разрешения дать не могу (хотя и запретить не могу).

Кончился разговор так-таки 10 рублями. Впредь приказал говорить, что дома нет. Если бы и вам как-нибудь отделаться от него, хорошо бы было. Нет сил видеться с человеком, который что ни сказал, то солгал»⁴⁶.

Елагины, разумеется, хорошо понимали, что Якушкин как знаток песен Киреевского в научно-литературных кругах достаточно известен, чтобы от него просто отмахнуться. Нужно было заручиться поддержкой влиятельных друзей — Аксаковых, А. И. Кошелева, А. С. Хомякова, Соболевского и других — и убедить их в необходимости заменить Якушкина; наконец нужно было найти человека, которому можно было бы доверить подготовку издания. Иначе может разразиться крупный скандал, а слабовольный и трусливый В. А. Елагин, в руках которого находилось Собрание, вряд ли согласится отстранить Якушкина. И Елагиным удалось это сделать. Ближайшие друзья А. П. Елагиной — Аксаковы, Хомяков, Кошелев — с одобрением восприняли ее решение отстранить Якушкина от издания песен Киреевского. Правда, при этом они меньше всего разделяли ее честолюбивые соображения; многим из них, и прежде всего Соболевскому, было известно, что Киреевский вначале предполагал включить в свой сборник даже печатные материалы. Аксаковы, Хомяков, Кошелев потому и поддержали Елагиных, что рассчитывали в будущем воспользоваться изданием песен Киреевского в своих целях. В пропаганде славянофильских идей фольклор, как известно, занимал далеко не последнее место. И было бы, разумеется, странно, если бы славянофилы отказались использовать такую трибуну, какой являлось издание песен Киреевского. Якушкин же, несмотря на довольно продолжительные связи с семействами Киреевских и Аксаковых, был для них «чужой».

Человек, которому можно было бы «доверить» издание песен Киреевского, вскоре нашелся: Петр Алексеевич Бессонов, сотрудник «Москвитянина» и «Русской беседы», издатель сборника болгарских песен⁴⁷. Теоретический уровень его работ был весьма невысок, однако славянофилы ценили Бессонова и охотно печатали.

В московском доме Елагиных Якушкину было объявлено, что он отстраняется от издания песен Киреевского и что издание будет передано Бессонову. Для Якушкина, уже подготовившего сборник песен к печати, это был настолько жестокий удар, что он отказался верить. В доме Аксаковых, куда он пришел рассказать о нелепом решении А. П. Елагиной, его ждал не менее странный прием. Аксаковы вдруг начали усиленно советовать ему оставить дело с изданием песен Киреевского. Оставалось последнее — выяснить отношение к случившемуся В. А. Елагина. И Якушкин пишет ему следующее письмо:

22 февраля <1858 г.> Москва.

Мое положение довольно странное, Василий Алексеевич, я думал, что я что-нибудь да значу в издании песен Петра Васильевича, а вышло, что нуль. Вы мне сказали, что *без меня* не будут издаваться песни, а мне говорят, что я совершенно посторонний человек в этом деле. И. С. Аксаков мне советует оставить *совершенно* это дело — на что я тоже *совершенно* не согласен. Сами согласитесь, что, приступая к этой работе (т. е. к обработке Д. П.⁴⁸), я знал, за что берусь, и потому от вас требовал показать мою работу всем; теперь не то. Я согласен был быть помощником Бессонова, но не навозом для кого бы то ни было, а потому позвольте вас просить сказать мне, во-первых: кто имеет право на издание песен, а во-вторых: мое отношение к этому изданию.

Душой вас любящий и, несмотря на все невзгоды, навсегда вам преданный даже против вашего желания

Павел Я к у ш к и н

Ко мне писать:

Ивану Васильевичу Раевскому, против немецкого клуба, в дом Раевского, с передачею мне в *Москву*.

Сделайте одолжение — поклонитесь усердно от меня Катерине Ивановне и скажите ей, что я никогда не забуду ее приветливости⁴⁹.

Ответ В. А. Елагина на письмо Якушкина неизвестен, однако о его содержании нетрудно догадаться: он был подготовлен приведенными выше письмами А. П. и Н. А. Елагиных. Якушкин же, по-видимому, так и не понял того, что за Елагиными стояла влиятельная группа славянофилов, без поддержки которой они вряд ли бы решились отстранить его от издания песен Киреевского. Так, в письме И. С. Аксакова к Е. И. Елагиной от 17 июня 1859 г. читаем: «Нынче он <т. е. Якушкин. — А. Б.> был у меня и рассказывал свой разговор — знаете с кем? — с графом Строгановым! И между прочим об вас, т. е. о Василии Алексеевиче и о ваших. Граф Строганов предлагает Елагиным денег на издание песен П. В. Киреевского. Якушкин отверг предложение, объяснив причину непечатания песен семейными обстоятельствами, в которые, впрочем, он не вмешивается»⁵⁰.

После отстранения Якушкина от издания песен Киреевского славянофилы предпринимая усиленные хлопоты о дальнейшей судьбе Собрания. Аксаковы торопят В. А. Елагина с приездом в Москву: Собрание все еще находилось в орловском имении Бунино. И. С. Аксаков писал Е. И. Елагиной 7 апреля 1858 г.: «Ему бы <В. А. Елагину. — А. Б.> очень нужно приехать в Москву хоть для устройства судьбы песен Петра Васильевича. А то как раз выйдут другие сборники. Надобно нам это дело поторопить»⁵¹. Кошелев предлагает деньги на издание песен⁵², Хомяков, в то время пред-

седатель Общества любителей российской словесности, усиленно советует В. А. Елагину передать Собрание песен Киреевского Обществу. Позднее В. А. Елагин писал об этом: «...почтенный председатель Общества покойный Хомяков⁵³ настоятельно убеждал меня положиться на специальные сведения по этому делу наших членов, а именно К. С. Аксакова, В. И. Даля, С. А. Соболевского, Н. П. Гилярова, П. А. Бессонова»⁵⁴.

По-видимому, договоренность Хомякова с В. А. Елагиным о передаче песен Киреевского Обществу любителей российской словесности была достигнута еще в 1858 г.: перечисленные выше лица были приняты в Общество 10 ноября этого года (Даль, правда, был принят 4 марта 1859 г.). Уже М. Н. Сперанский по этому поводу заметил: «Может быть, и это массовое избрание стоит в связи с делом о подарке Обществу песен П. В. Киреевского?»⁵⁵ Предположение Сперанского, очевидно, соответствует действительности.

Передача песен Киреевского Обществу была ускорена возникшими слухами о том, что Якушкин намерен выпустить собственный сборник песен. Так, в письме А. П. Елагиной к В. А. и Е. И. Елагиным от 21 апреля 1858 г. читаем: «Якушкин рассердился на меня и хочет издать свой сборник песен, выписанных из Географического общества и выписываемых братом его в Петербургской публичной библиотеке. Это совсем уронит будущее издание песен Петра, но что же мне делать?» И дальше: «... он <Якушкин. — А. Б.> всюду на меня жалуется и из благодарности к Петру хочет подорвать его издание. Все это передал мне Иван Аксаков»⁵⁶.

Передача песен Киреевского Обществу любителей российской словесности, через посредство К. С. Аксакова, состоялась в конце февраля 1860 г.⁵⁷ В. А. Елагин позднее писал: «Единственной моею целью при передаче песен было желание исполнить последнюю волю моего брата, но право литературной собственности на это собрание и на денежную выручку от издания не могло быть мною никому уступлено, потому что право это вполне принадлежит племянникам собирателя, детям И. В. Киреевского...»⁵⁸. Эти строки взяты из письма В. А. Елагина в Общество (1861 г.). Бывший владелец Собрания торговался с Обществом о литературном гонораре за издание, представляя дело так, будто Киреевский завещал ему передать свое Собрание Обществу. 29 февраля 1860 г. Общество утвердило особую комиссию по изданию песен, собранных Киреевским, в которую вошли К. С. Аксаков, Бессонов и Даль. Участвовать в работе комиссии «изъявил желание» и В. А. Елагин, принятый в Общество 23 февраля. 11 марта в состав комиссии были избраны Н. П. Гиляров-Платонов и Соболевский. Якушкин же, почти подготовивший сборник песен к печати, не только не был допущен к изданию, но даже не включен в комиссию.

III

14 марта 1860 г. состоялось первое заседание комиссии, на котором Бессонов выступил с общим планом издания. Уже на следующий день К. С. Аксаков сделал доклад на заседании Общества любителей российской словесности о работе над Собранием Киреевского. Доклад Аксакова хорошо известен: основные положения его вошли в так называемое «Предуведомление» к первому выпуску «Песен, собранных П. В. Киреевским»⁵⁹. Вопрос о составе будущего издания занимает в нем центральное место. «...комиссия полагает, — говорил Аксаков, — что издание, предпринятое Обществом, не есть издание Собрания русских песен П. В. Киреевского в тесном смысле, но собрание русских песен в том смысле, какой придавал ему сам почтенный собиратель». А это означало:

«При издании не ограничиваться только наличным Собранием песен П. В. Киреевского, но дополнить оное, по возможности, всеми песнями, доселе изданными». Далее Аксаков пояснял: «П. В. Киреевский сам вносил в свое собрание и напечатанные песни, пользуясь разными песенными сборниками, — и таким образом, очевидно, предназначал быть этому собранию не собранием, им собственно собранных, но собранием, по возможности, всех русских песен, какие только могут быть известны»⁶⁰. Итак, по мнению членов комиссии, сборник Киреевского должен содержать в себе все известные народные песни. Бессонов же пошел еще дальше. В «Предуведомлении» к первому выпуску он заявил: «По мысли, руководившей постоянно Петром Васильевичем Киреевским, комиссия, издающая ныне сборник его песен, не ограничивается тем, что нашла в бумагах покойного, но присоединяет сюда в пополнение и другие песни <...> а где нужно, в приложениях к выпуску, помещает сказки, исторические показания...»⁶¹. Якушкин впоследствии решительно выступил против этих домыслов Бессонова. Он не без основания полагал, что будущие издатели сборника Киреевского должны следовать указаниям и планам знаменитого собирателя. Обращение Якушкина к материалам Русского географического общества отнюдь не нарушало эти указания и планы. Выработанные им принципы издания требовали огромного *дополнительного* материала, а его-то, как мы теперь знаем, и не хватало. Якушкин стремился дать подробный комментарий к каждому сохранившемуся тексту Собрания, поэтому привлечение новых материалов лишь обогатило бы сборник, сделало бы справочный аппарат издания более содержательным. Напомним, что именно этими обстоятельствами было вызвано решение Елагиных отстранить Якушкина от издания песен Киреевского. Нынешние члены комиссии в то время единодушно поддержали Елагиных. Но вот прошло два года, и В. А. Елагин дает согласие на «добавления» Бессонова к сборнику Киреевского. О том, что издавать следует *«только Петрушины труды»*, в доме Елагиных очень скоро забыли.

По разработанному комиссией плану сборник песен, собранных Киреевским, должен был состоять из четырех отделов. В докладе К. С. Аксакова об этом читаем:

«Комиссия приняла следующие главные отделы песен.

I. Песни духовные, или Стихи.

II. Песни былевые (или исторические). В этот том входят песни т. н. богатырские и т. н. собственно исторические. Они будут делиться по временам: Владимир, Иоани Грозный и пр. Сюда же относятся песни, по замечанию г. Бессонова, о разных витязях и молодцах, где заключаются отрывочные о них сказания, появляются образы юношей и витязей без имени, песни безыменные, в которых выражается отчасти то же богатырство и вообще та же жизнь витязя. (Эти песни могли бы даже называться песни безыменные.) Сюда же принадлежат, по замечанию г-на Бессонова, и песни молодецкие, разумея под ними и песни разбойничьи, в которых выражается та же боевая удаль.

III. Песни бытовые. Сюда относятся песни обрядные, свадебные... *<нрзбр.>* и, наконец, как особый самостоятельный отдел, песни хороводные.

IV. Песни житейские. Здесь разумеются все остальные песни, в которых высказываются все частные помышления и ощущения, отношения и случаи»⁶².

Комиссия решила начать издание со второго отдела, т. е. с былин и исторических песен, ибо духовных стихов в Собрании Киреевского не оказалось⁶³. Было решено издавать песни отдельными выпусками по мере их подготовки к изданию. В мае 1860 г. первый выпуск сборника был уже готов, и летом началось его печатание⁶⁴. К этому времени относится объяв-

ление о дневниках Якушкина, написанное В. А. Елагиным и предназначенное, по-видимому, для печати. Текст объявления гласит: «Все дневники П. И. Якушкина, которые найдутся, просят доставить в д. Бунино В. А. Елагину, не передавая г. Якушкину, потому что дневники его принадлежат г. Краевскому, а его песни все проданы П. В. Киреевскому и потому должны все без исключения войти в собрание П. В. Киреевского»⁶⁵. Объявление было вызвано распространившимися слухами о том, что у Якушкина остались какие-то записи народных песен, ранее проданные Киреевскому, и что он намерен опубликовать их в своем сборнике (сборник Якушкина начал печататься в журнале А. А. Краевского «Отечественные записки» с апреля 1860 г.). Слухи эти особенно беспокоили Бессонова, который после выхода в свет первого выпуска песен Киреевского почувствовал себя бесконтрольным хозяином всего Собрания. В. А. Елагин в одном из писем, относящихся к тому времени, успокаивал его: «Я знаю, что он <Якушкин.— А. Б.> все свои песни продавал покойному Петру Васильевичу, но думаю, что его поступок не стоит внимания, тем более что он сам где-то напечатал (в 1858 г.), что собранные им песни им проданы Петру Васильевичу⁶⁶. Этими выходками удальца надобно пренебрегать. (Копии он мог хранить у себя с давнего времени, у меня же он работал в моей комнате и в самом деле *работал* целое лето)»⁶⁷.

Первый выпуск «Песен, собранных П. В. Киреевским» вышел в сентябре 1860 г. В конце января 1861 г. вышел второй выпуск, в апреле 1861 г. — третий. В столь короткий срок человеку, не знакомому с архивом Киреевского, было бы трудно просто разобраться в нем и ознакомиться с материалом. Естественно, что уже тогда возникли вопросы, в соответствии ли с планами и указаниями Киреевского издает Бессонов его сборник, не преувеличивает ли он, увлекшись своей ролью редактора, трудности издания, характеризуя Собрание Киреевского как «кучу с тысячью листов и сотнею тетрадей, большей частью разнородных рук», где только он, Бессонов, по памяти его бесед с Киреевским, «в состоянии отличить места и лиц, где и кем что-либо записано»⁶⁸. Многочисленные рецензии, появившиеся в газетах и журналах после выхода в свет первых выпусков, не давали ответа на все эти вопросы⁶⁹. Да иначе и быть не могло. Принципы издания, выработанные Киреевским, его планы рецензенты так же плохо знали, как и общее состояние его архива. Ответ был дан Якушкиным, который в 1863 г. выступил со статьей «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен»⁷⁰. Рассказав о своей работе над Собранием Киреевского, Якушкин весьма определенно заявил о том, что Бессонов при подготовке к печати первых трех выпусков воспользовался его трудами. «Комиссия, издававшая эти три выпуска, — писал Якушкин, — прибавила несколько песен из разных сборников к песням, собранным Петром Васильевичем и приведенным мною в порядок, по плану самого собирателя»⁷¹.

После того как сборник исторических песен, подготовленный к печати Якушкиным, был наконец найден и описан П. Д. Уховым, справедливость этих слов становится вполне очевидной. Сопоставив, например содержание первого выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским» с соответствующими материалами Якушкина, получаем следующую картину (все, что добавлено Бессоновым, набрано курсивом):

I

1. Исцеление Ильи Муромца.
2. }
3. } Выезд Ильи. Встреча с татаринном.
4. }

5. *Илья Муромец и Сокольник* (Бориска) в записи С. И. Гуляева (из «Прибавлений» Известий Академии наук).

6. *Илья Муромец и Сокольник* (Збут. Борис Королевич) из сборника Кирши Данилова.

II

- 1.)
2.) } *Илья и разбойники* (станишники).
3.)
4.)

5.) } *Илья и разбойники* из сборника П. В. Шейна.
6.)

7. *Илья на «Соколе-корабле»* (свод четырех вариантов).

8. *Илья и разбойники* из сборника Кирши Данилова.

III

1. *Илья и Соловей-разбойник*.

2. *Илья и Соловей-разбойник* (отрывок).

3.)

4.) } *Илья и Соловей-разбойник* из сборников П. В. Шейна,
5.) } Кирши Данилова, «Прибавлений» и др.
6.)

IV

1. Богатырская застава (*Илья и Сокольник*).

2. *Илья и Сокольник* (из «Прибавлений»).

3. *Илья и Тугарин* (Идолище из «Прибавлений»).

V

1.)

2.) } *Илья и Калин* (Мамай; из печатных источников).
3.)

VI

1. *Илья и Соловей-разбойник* (из «Москвитянина»).

2. *Три поездки Ильи* (из «Прибавлений»).

VII

1.)

2.) } *Илья Муромец на Дону*.

3. *Илья Муромец и турецкий хан*.

4. *Илья и девица* (баллада о сестре и братьях-разбойниках).

5. *Илья и Турок* (из «Прибавлений»).

В таком же соотношении находятся и все другие выпуски «Песен». Бессонов воспользовался уже готовым материалом. Вся его работа свелась главным образом к наполнению книги текстами, взятыми из печатных источников. Заметим, что и эту работу Бессонов провел не сам, а с помощью Соболевского, который еще для Киреевского доставлял песни из старинных печатных и рукописных сборников. Соболевский продолжал эту работу и после смерти знаменитого собирателя ⁷².

Объем материала, не связанного с Собранием Киреевского и включенного Бессоновым во все десять выпусков «Старой серии», довольно велик. Бессонов перепечатал из различных сборников и журнальных публикаций множество текстов, записанных разными лицами ⁷³.

В. А. ЕЛАГИН

Акварель К. А. Горбунова, 1839

Библиотека СССР
им. В. И. Ленина,
Москва

Нельзя, однако, не заметить случайного отбора материала. В Собрание Киреевского попадали не только записи лиц, с ним никак не связанных, но и записи 70-х годов, например, из сборника А. Ф. Гильфердинга «Онежские былины» (см. 2-е изд. второго выпуска, стр. 61—63). Но если вызывает возражение самый принцип отбора песен Бессоновым, то размещение их поражает крайней бессистемностью. Так, непонятно, например, почему былины об Илье и Сокольнике в первом выпуске оказались в двух разных отделах — I и IV. В разных отделах (III и VI) оказались и былины об Илье и Соловье-разбойнике. А былина «Илья на Соколе-корабле» помещена в одном отделе с былинной об Илье и разбойниках.

Первые три выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским» все же оказались более стройными, нежели последующие. Дело в том, что Бессонов в первые годы своей работы в архиве не ознакомился с его составом и печатал материал, подготовленный Якушкиным. В дальнейшем же он обнаруживал в архиве всё новые и новые песни и считал необходимым издавать их. Так появился, например, четвертый выпуск, названный «дополнительный» (1862). В него вошли былины об Илье Муромце в записях А. Харитонова (эти записи Якушкину, очевидно, не были известны), затем не печатавшиеся ранее сюжеты былин из сборника Кириши Данилова и духовный стих об Анике-воине. В качестве «Приложения» к выпуску Бессонов поместил объемистую «заметку» (146 стр.), в которую включил украинскую думу на Черном море в записи М. А. Стаховича и былину о Суровце-Суздальце, доставленную В. И. Ламанским. Вызывает возражение последовательность расположения песен и в пятом выпуске (1863), куда вошли новгородские былины и «песни княжеские» (по современной терминологии — былины-баллады и песни-баллады). Так, песни о Румянцеве, о Ваньке-ключнике, о казаках и т. п. помещены перед исторической

песней о Шелкане Дудентьевиче, повествующей о событиях XIV в. Шестой выпуск (1864), посвященный песням времен Ивана Грозного, в основном является перепечаткой материалов Якушкина и поэтому оказался наиболее стройным и последовательным.

После выхода в свет шестого выпуска в издании песен Киреевского наступает длительный перерыв. Это было вызвано, надо полагать, отъездом Бессонова в Вильно, где он пробыл до 1867 г., занимая там должности заведующего виленским музеем и публичной библиотекой, директора гимназии и других местных учебных заведений. Перед отъездом Бессонов передал архив Киреевского В. А. Елагину и Соболевскому, последний же все полученные бумаги сдал на хранение в Румянцевский музей⁷⁴. Между тем издание песен, собранных Киреевским, надо было продолжать. Общество любителей российской словесности после отъезда Бессонова обратилось к А. Н. Афанасьеву с предложением подготовить и издать седьмой выпуск песен. Книга была подготовлена Афанасьевым и напечатана. Но вскоре Общество любителей российской словесности вновь привлекло Бессонова (по-видимому, уже вернувшегося в Москву) к изданию песен Киреевского. В письме председателя Общества Н. В. Калачева к Бессонову, помеченном «15 октября», читаем: «Общество любителей российской словесности от 13 января определило просить вас, милостивый государь, взять на себя труд дополнить напечатанный уже действительным членом А. Н. Афанасьевым текст 7-го выпуска песен Киреевского и дополнить оный вашими примечаниями. В заседании своем 9 марта Общество постановило также: ввиду малого количества оставшихся экземпляров 1-го выпуска тех же песен приготовить новое издание выпуска песен и просить вас взять на себя труд по сему изданию, перепечатав оный без всяких изменений...»⁷⁵. В ответном письме от 19 октября Бессонов заявил, что он «по-прежнему готов взять на себя издание песен собрания П. В. Киреевского»⁷⁶.

Седьмой выпуск (1868), подготовленный А. Н. Афанасьевым, Бессонов дополнил «прибавлениями», в которые включил три варианта «Гостя Терентия» и пять вариантов песен о татарском полоне. Не ограничившись «прибавлениями», он допечатал в новой пагинации (стр. 1—214) «Приложения к 7-му выпуску» и «Дополнения к первым двум частям песен былевых и исторических», где поместил былины об Илье, Добрыне, Ваське Буслаеве, Садко, былины-баллады, казачьи песни, песни об Иване Грозном, песни времен Смуты, 15 песен о Степане Разине. Замыкают же «Приложения», нарушая всякую хронологию, «Авдотья Рязаночка» и песни о татарском полоне. Восьмой выпуск — песни времени Петра I — (1870) также снабжен «Дополнениями к прежним выпускам» и «Приложениями к VIII выпуску». Многие тексты, помещенные в «Дополнениях» и «Приложениях», взяты Бессоновым из печатных источников XVIII в. (из сборника М. Д. Чулкова и песенника И. И. Дмитриева). Они с таким же основанием могли быть помещены в подобных «Добавлениях» прежних выпусков. Значит, у Бессонова никогда не было своего плана, а набиралось то, что попадалось под руку. Девятый и десятый выпуски (1872, 1874) отличаются обилием книжных материалов, не имеющих никакого отношения к народному творчеству. Фольклорные же тексты в этих выпусках буквально затерялись.

Таким образом, Бессонов не только не улучшил плана Якушкина, но, напротив, ухудшил его. Пополнение Собрания текстами из печатных источников разрушало самую идею сборника. Из конкретно-исторического документа эпохи он превращался в грудку случайно собранных материалов.

Рассмотрим «Старую серию» песен Киреевского с точки зрения подачи самих фольклорных текстов. Приступая к ее изданию, Бессонов, как уже

говорилось, имел под руками готовый сборник Якушкина, и перед ним, естественно, стоял выбор: или печатать песни так, как они были подготовлены Якушкиным, или же, пользуясь правом редактора, заново готовить песни, пересоздавая их по-своему. Бессонов решился на первое. Киреевский и Якушкин понимали, что никакое вмешательство в народный текст недопустимо, и поэтому стремились напечатать песни в том виде, в каком они были зарегистрированы собирателями. Киреевский, например, в присланных ему текстах сохранял все особенности записей собирателей (исключения он делал только в отношении неграмотных записей, которые правил в соответствии с языковыми нормами своего времени). Будучи не в состоянии лично обработать все записанные им самим и присылаемые ему песни, Киреевский, как известно, широко пользовался помощью своих родных, друзей и, должно быть, платных переписчиков (наибольшее количество текстов было переписано М. В. Киреевской, Е. И. Мойер-Киреевской, П. И. Бартевым и др.). Для переписчиков он даже выработал целую инструкцию, озаглавив ее «Правила как писать» (т. е. переписывать)⁷⁷. Сохранение фонетических особенностей в записях Киреевский особо не подчеркивает, однако указывает на то, что переписывать нужно «как можно вернее». Очевидно, в начале своей деятельности фонетическим записям песен он не придавал значения, поэтому среди переписанных текстов встречаются как тексты, сохраняющие все особенности подлинника, так и тексты выправленные. Надо полагать, в конце своей деятельности Киреевский понял ценность фонетических записей и переписку песен поручал более подготовленным для этого дела лицам, например Бартеву.

Готовя сборник Киреевского к печати, Якушкин следовал этим же указаниям собирателя. Поэтому и вмешательство Бессонова здесь оказалось ничтожным. Обычно он стремился к тому, чтобы печатание производилось с подлинного текста собирателя. Если такие тексты были переписаны четко и разборчиво, то он, даже не переписывая их, отправлял прямо в типографию, размечая только, каким шрифтом набирать. Если подлинные тексты собирателей были утеряны или записаны крайне небрежно, то Бессонов пользовался переписанными копиями их. Причем если в копиях находились ошибки, то Бессонов исправлял их. Лишь в исключительных случаях Бессонов позволял себе сокращения текста (правда, такие случаи он оговаривал в примечаниях). Так, например, поступил он с песней «По палатушкам царица ходила». Вторую часть ее он обрывает, поясняя: «Доселе начало древней былины, а отседе переход в позднейшую женскую песню» (в. 6, стр. 204).

Таким образом, с текстологической точки зрения «Старая серия» песен Киреевского является, пожалуй, первым научным изданием былин и исторических песен. Она не заслуживает тех несправедливых упреков, которые в этом отношении ей неоднократно предъявлялись (указывалось, например, на то, что тексты подправлялись, изменялись, даже фальсифицировались).

И в издании Бессонова, и в сборнике Якушкина известное место занимают сводные тексты. По сохранившимся в архиве материалам можно предположить, что все они были подготовлены лично Киреевским. Ни Якушкин, ни Бессонов их не делали. Якушкин, повседневно слышавший песни в живом бытовании, одним из первых в истории науки понял значение вариантов. Вот поэтому, очевидно, он не пытался составлять своды песен. Ненужность этого была ясна и Бессонову. В предисловии к первому выпуску «Калек переходящих» он заявлял: «Сводить один стих из нескольких отдельных, притом не принося сих последних и с притязанием, что такой должен быть подлинный вид известного стиха, каков он по происхождению или каков он должен быть в народе, я считаю делом совершенно противным здравому смыслу и требованиям науки»⁷⁸. Якушкин сразу же понял, что

эта тирада — резкий выпад против методики Киреевского. В известной статье об изданиях Бессонова он ответил: «Можно ли так говорить о деятельности Петра Васильевича? Я совершенно уверен, что у Киреевского не было здравого смысла для приобретения каких-нибудь житейских выгод; у г. Бессонова их гораздо, гораздо больше; но скажите, пожалуйста, неужели не возмущают вас эти бессовестные, безобразные строки?»⁷⁹ Конечно, Якушкина возмутил грубый выпад Бессонова. Однако по существу вопроса Бессонов был прав, хотя он и понял, что перехватил в критике Киреевского, и поэтому в своем ответе Якушкину постарался смягчить свою резкость. «Я учился у Петра Васильевича, — писал он, — а продолжение его дела считал и считаю своим призванием. Я признаю, что *особый способ*, им принятый для свода (<...>), есть способ наилучший, самый разумный и законный. Но я в то же время совершенно убежден, что этим *особым способом* мог действовать только *один* П. В. Киреевский, при его глубоком изучении народных памятников, при том ясном его взгляде, который выработался долгим опытом и предохранял собирателя от всякой ошибки, легко возможной другому. Для другого подобный прием был бы посягательством и даже святотатством»⁸⁰. Однако Бессонов не был последовательным, и все своды песен, подготовленные Киреевским, не задумываясь включал в свое издание, «забывая» при этом указать на автора свода.

Для более полной характеристики «Старой серии» песен Киреевского остановимся еще на одном вопросе, а именно паспортизации включенного в нее песенного материала. Киреевский с самого начала своей деятельности понимал необходимость паспортизации песен. Так, уже в записях 1831 г. под текстом каждой песни он непременно указывал следующие сведения: место, где записана песня, время записи, а иногда и имя певца, от которого она записана. Правда, поскольку все песни он считал общенародными и личным привнесением певцов в тексты не придавал значения, то имена певцов он сохранял не всюду, а если и указывал их, то ограничивался лаконичными замечаниями: Фекла, Никитушка, Татьяна Андреевна, старуха, московская мещанка, мещане Рогожской части, мальчишки-нищие, извозчик, солдат и т. п. Для того времени такая паспортизация была необычайным новшеством. В полном согласии со словами Якушкина мы должны признать, что Киреевский действительно был «первым и по времени и по способностям собирателем поэзии русского народа»⁸¹.

Подобную паспортизацию всюду и последовательно сохранял и Якушкин при подготовке своего сборника. Сохранил ее и Бессонов в первых выпусках. Но в дальнейшем, начиная с V выпуска, он подошел к вопросу паспортизации с полным пренебрежением. Собственно, если на листках Якушкина или на листках, переписанных другими лицами, стояли паспортные сведения, то их Бессонов сохранял. Если же на листках их не было, то он, как правило, не устанавливал их и печатал тексты без паспортных данных. Так в «Старой серии» появилось обилие непаспортизованных текстов. А между тем в руках Бессонова были подлинные записи собирателей (они частично сохранились до сих пор). Но он предпочитал работать не с ними, а использовал их копии. Под текстами этих копий (независимо от того, кем они переписаны) Киреевский лично проставлял паспортные данные. Однако на всех копиях он этого сделать не успел. Бессонов же не сверял копии с оригиналом. Так, например, цикл песен о Ваньке-ключнике он открывает безымянным вариантом (в. 5, стр. 128), а между тем по подлиннику не трудно было установить, что этот вариант записан Кольцовым (тетради Кольцова, кстати, были у Бессонова в руках). Таких примеров можно привести множество.

Некоторые подлинные записи собирателей исчезли, как можно предполагать, еще до поступления архива в распоряжение Общества любите-

лей российской словесности, но на сохранившихся копиях всех песен Собрания имелись особые паспорта-индексы, дававшие ключ к паспортизации любого песенного текста. К сожалению, Бессонов в смысле этих паспорт-индексов не разобрался. В подготовленной к печати монографии П. Д. Ухова «Вопросы атрибуции русских народных песен» система паспорт-индексов описана довольно подробно, поэтому ограничимся здесь лишь краткими замечаниями.

На копиях песен, хранящихся в архиве Киреевского, как правило, кроме нумерации песен и листов, проставлены (чаще всего карандашом) пометы типа: 1-б (или 1-Б, т. е. индекс со строчной или прописной буквой), 2-б, 3-б, 4-б, 5-б и т. д. до 136-б. Чьи же это пометы? Бессонова? Его карандашных помет на рукописях действительно очень много: «Чернов.», «Детск.», «Улица», «В дополн.», «Напечатано» и т. п. Обращает на себя внимание то, что цифры-индексы написаны более темным карандашом. Значит, Бессонов различные пометы на рукописях производил не одновременно? Однако дальнейшее сличение показало, что цифры-индексы написаны более крупно и размашисто, в то время как Бессонов цифры писал более мелко и округло. После длительного изучения П. Д. Ухов пришел к выводу, что цифры-индексы и есть краткий паспорт текста. Эту титаническую работу по паспортизации всего архива выполнил Якушкин.

Киреевский, как уже было сказано, не успел проставить паспортные данные на всех копиях песен. Так, среди гомельских записей З. Я. Ходаковского лишь одна песня (беловая папка 1-а, № 246) имеет паспорт: «Записана Могилевской губ. в городе Гомеле З. Я. Ходаковским. Доставлена мне М. П. Погодиным». Остальные песни (их всего десять номеров) паспорта не имеют. Постороннему человеку было бы невозможно разобраться в архиве Киреевского. Якушкин же хорошо знал материалы Собрания. Производя опись архива после смерти Киреевского, он составил для удобства в работе черновую, так называемую «рабочую», паспортизацию всего Собрания, проставив соответствующие описи обозначения на каждом песенном тексте (в частности, почти на всех копиях). Так, например, если под № 1 описи значится: «1. Чернские и Ефрем. Якуш.» (т. е. песни, записанные Якушкиным в Чернском и Ефремовском уездах), то в рукописях (в том числе и на копиях) он сокращенно обозначал: «1-б». Буква «б» рядом с цифрой ставилась для того, чтобы отличить индекс паспорта песни от других многочисленных цифр, стоящих на тексте (порядковый номер в коллекции собирателя, номер песни в коллекции Киреевского и т. д.). Поскольку один и тот же текст оказывался переписанным несколько раз и хранился в разных папках, то можно себе представить, какого труда стоило это дело Якушкину! Буква «б» в индексе-паспорте означает «Бунино» — место, где Якушкин работал над Собранием Киреевского; нередко встречаются песни (например, в белой папке 1-б), в индексах которых вместо «б» значится «Бун» или «Бунино» (ф. 125, п. 2).

При просмотре черновой описи бросается в глаза странная последовательность в нумерации отдельных собраний. Так, рукописи Якушкина значатся под № 1, 31, 38, 54, 71, 74, 88, 89, 90, 91, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 114, 123. Так же в беспорядке значатся в описи песни Киреевского и других собирателей. Под многими номерами (8, 9, 10, 17, 18, 22, 27, 28, 34, 35, 36, 42) в описи фамилии собирателей не указаны. Все это объясняется тем, что нумерация черновой описи соответствует той последовательности, в какой сохранились рукописи после смерти Киреевского.

Значение черновой описи Якушкина исключительно велико. Это ключ к паспортизации всех песен (как изданных, так и неизданных) Собрания Киреевского. Ни один исследователь, занимающийся этим Собранием, мимо нее не пройдет. В свое время ее опубликовал М. Н. Сперанский во

второй части второго выпуска «Новой серии» (стр. IX—X), однако при публикации были допущены некоторые неточности.

Работа по паспортизации песен проведена весьма тщательно, и какие-либо ошибки в описи — случаи исключительные. Недостаток ее состоит в том, что цифры-паспорта проставлены обычно лишь на оригиналах песен (а оригиналы часто не имеют титульного листа, а если и имеют, то нередко необходимые сведения в рукописи отсутствуют) и на основных копиях (иногда, как говорилось выше, с одного текста снималось две, три и больше копий). Поскольку утеряны многие оригиналы и многие копии (и те, в частности, на которых проставлен индекс-паспорт), то в некоторых случаях определить паспортные данные оказывается крайне трудно. Особенно трудно паспортизировать песни, именуемые как «многие», «сборные», «красные», «переписанные» и вообще не имеющие отметок. Тем не менее, пользуясь описью и другими сохранившимися в архиве документами, подавляющее большинство песен может быть паспортизировано. Приведем пример того, как могла бы помочь Бессонову опись для паспортизации текстов. Так, в пятом выпуске им напечатано 23 текста песни о Ваньке-ключнике. Добрая половина их (12 из 23) — без каких-либо пометок. Даже если только обратиться к тем рукописям, которые послужили оригиналами для печатания этого выпуска (ЛБ, ф. 125, п. 31), то, пользуясь описью и пометами Якушкина, получаем следующие сведения.

№ 1 (отд. I, стр. 128—130). На копии, сделанной рукою М. В. Киреевской (п. 31, лл. 67—68), стоит помета «37-б», что согласно описи означает: текст записан в Воронеже Кольцовым.

№ 3 (отд. I, стр. 132—133). На копии, с которой печатался текст (п. 31, л. 71), проставлено: «79-б», что согласно описи означает: «доставлен Н. М. Языковым» (кстати, в п. 43, л. 1046, находится другая копия этого текста, на которой также проставлен индекс-паспорт «79-б»).

№ 4 (отд. I, стр. 133—134). На копии, с которой печатался текст (п. 31, л. 73), проставлен индекс-паспорт «19-б», что означает: записан А. В. Марковичем в Орловской губ.

№ 5 (отд. I, стр. 134—136). Копия, с которой печатался текст, сделана рукою Бартенева (п. 31, л. 74), индекс-паспорт «5-б», что значит: песня записана Якушкиным в Данковском уезде.

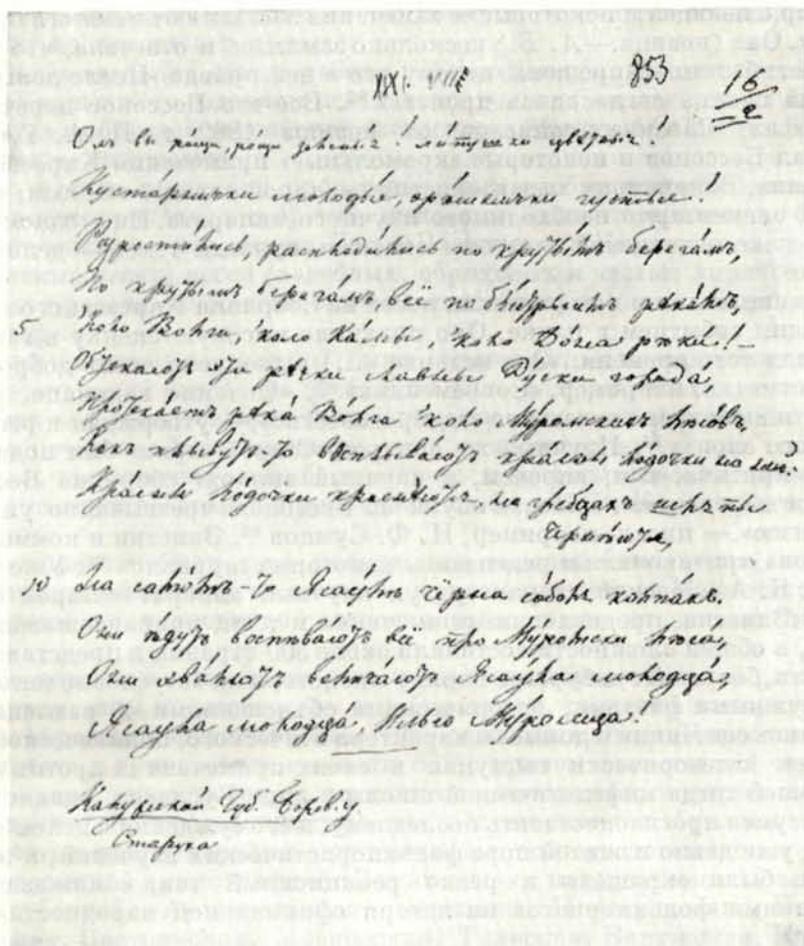
№ 6 (отд. I, стр. 136—137). Копия, с которой печатался текст (п. 31, л. 76), имеет помету «115-б»; следовательно, песня записана Н. А. Костровым в Орловской губ.

№ 1 (отд. II, стр. 140—141). Копия, с которой печатался текст (п. 31, л. 80), помет не имеет. Однако на другой копии (п. 43, л. 1047) стоит «54-б», что означает: текст записан Якушкиным в Лихвинском у. Калужской губ.

№ 1 (отд. III, стр. 141—143). На копии, с которой печатался текст (п. 31, лл. 81—82), стоит помета «105-б». Согласно описи, песня записана Якушкиным в д. Колпне Малоархангельского у. Орловской губ. На другой же копии (п. 43, лл. 1049—1050) стоит иная, казалось бы противоречащая первой, помета «60-б», что, согласно описи, значит: песня записана Якушкиным и Н. А. Костровым (некоторые записи они производили совместно) в Малоархангельском уезде. Но противоречия здесь нет. Якушкин, хорошо знавший свои материалы, уточнил, что данный текст — не результат их совместной записи, а его личная запись.

№ 3 (отд. III, стр. 144—145). Помета на копии «16-б» (п. 43, лл. 1051—1052) означает, что текст записан П. М. Перевлесским в с. Заикино Орловской губ.

№ 1 (отд. IV, стр. 154—156). На копии, с которой печатался текст (п. 31, лл. 94—95), индекса-паспорта нет, но он имеется на другой копии (п. 43, лл. 1055—1057) — «101-б»; значит, текст был записан Якушкиным в с. Андроновке Лихвинского у. Калужской губ.

«ОЙ ВЫ РОЩИ, РОЩИ ЗЕЛЕННЫЕ!..»

ЗАПИСЬ П. В. КИРЕЕВСКОГО

Автограф

Внизу помета Киреевского — где им была сделана запись и от кого он слышал песню

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Таким образом, только с помощью описи можно было паспортизировать большинство безымянных текстов.

Следует отметить, что в «Старой серии» есть не только большое количество непаспортизированных текстов, но и едва ли не меньшее их количество, на которых паспортные данные указаны ошибочно. Это в особенности относится к последним выпускам песен (V—X). Опись Якушкина позволяет уточнить паспортизацию и этих песен.

Укажем, наконец, что Бессонов нередко сокращал весьма ценные примечания собирателей к их записям. Так, П. А. Гильтебрандт, приславший Бессонову текст песни о Ваньке-ключнике, сопроводил его таким примечанием: «В прошлое воскресенье, 16 декабря (1862 г. — А. Б.), здесь, в Москве, мне удалось услышать пятую былинку о „Ваньке-ключнике“. Весьма важное разноречие, трагическое окончание которого не находится в сборнике П. Н. Рыбникова (см. ч. I, стр. 401—410), и, наконец, мой

разговор с певицей и некоторые ее замечания заставляют меня огласить эту былинку. Она <певица.— А. Б.> несколько замялась и отвечала, что петь ее не может: былина запрещена, потому что в ней правда. После долгих увещаний певица согласилась пропеть»⁸². Все это Бессонов перечеркнул и написал: «Москва, записано от певицы 1862 г. П. А. Г.» Перечеркивал Бессонов и некоторые «крамольные» примечания Киреевского и Якушкина. Заканчивая характеристику «Старой серии», отметим, что она лишена элементарно необходимого научного аппарата. Ни в одном выпуске нет даже оглавлений, поэтому отыскать нужный текст — дело весьма трудное.

Издание былин и исторических песен из Собрания Киреевского явилось настоящим событием в науке. Оно получило высокую оценку в газетах и журналах того времени. «Это издание <...> выполнено очень добросовестно», — отмечал, например, «Современник»⁸³. «Издание задумано, распределено и выполнено отчетливо и добросовестно», — утверждал и рецензент «Русского слова»⁸⁴. Научный же аппарат «Старой серии» был подвергнут резкой критике, как, впрочем, и научный аппарат сборника Бессонова «Калеки переходные». «„Новая наука“ г. Бессонова чрезвычайно упрощает филологию», — писал, например, Н. Ф. Сумцов⁸⁵. Заметки и комментарии Бессонова критиковали и рецензенты некоторых журналов⁸⁶. Уже в наши дни М. К. Азадовский, характеризуя научный аппарат «Старой серии», писал: «Заметки, предисловия, примечания и т. п., принадлежавшие Бессонову, в общей сложности составили около 300 страниц и представляют, в сущности, большой сумбур, где наряду с некоторыми безусловно интересными и нужными фактами, историческими объяснениями и разысканиями сочетались сентенции и домыслы характера этического, политического и пр. Бессонов категорически выступал в своих примечаниях против господствовавшей тогда мифологической школы в лице Буслаева, однако он ничего не сумел противопоставить последнему, и его суждения в целом возвращали к уже давно изжитой поре фольклористических изучений; к тому же все они были окрашены в резко реакционный тон, сблизивший их с писаниями фольклористов из лагеря официальной народности»⁸⁷.

IV

После выхода последнего, десятого, выпуска «Старой серии» (1874) о Собрании песен Киреевского надолго забыли, пока во второй половине 1890-х годов им не заинтересовался В. Ф. Миллер. В Румянцевском музее он разыскал шкаф с рукописями собирателя и его корреспондентов. Обследование архива показало, что значительная часть неизданных записей народных лирических песен сохранилась. В. Ф. Миллер получил согласие председателя Общества любителей российской словесности Н. И. Стороженько на издание этих материалов и поручил своим ученикам А. В. Маркову, В. В. Пасхалову и другим переписать все сохранившиеся в Собрании песни. Между тем издание затягивалось, пока во главе Общества не стал энергичный А. Е. Грузинский. В конце 1908 г. начались подготовительные работы к изданию (изучение рукописей, их переписка и т. п.). Под председательством В. Ф. Миллера была создана песенная комиссия, в которую вошли А. Е. Грузинский, М. Н. Сперанский, С. О. Долгов, А. В. Марков, В. В. Каллаш, Е. Н. Елеонская и В. В. Пасхалов. На первых же заседаниях комиссии был установлен географический принцип публикации материала (по губерниям, уездам и селам, начиная с Севера); было решено печатать все тексты без каких-либо существенных изменений, отмечая внизу текста внесенные Киреевским поправки; наконец, комиссия решила исключить варианты из песенных сводов Киреевского и

печатать каждый из них под своим номером (кроме тех сводов, варианты которых не нашлись в архиве).

Ценные сведения о ходе работы над изданием лирических песен из Собрания Киреевского содержит неизданный доклад Сперанского на заседании Общества любителей русской словесности 25 сентября 1910 г. В докладе говорилось следующее:

«До начала печатания произведен был разбор всего собрания песен Киреевского; из этого собрания выделены были черновики и беловики (переписанные по поручению Петра Васильевича Киреевского и им пересмотренные песни) песен свадебных, обрядовых и частью лирические, оказавшиеся раздельно со свадебными в текстах черновиков (напр., тетрадах, письмах).

К этим песням составлены были инвентари: а) к черновикам свадебных песен; такой инвентарь необходим был для разработки песен чистовых, так как ввиду свойств чистовых песен комиссией решено было производить печатание по черновикам, если эти последние давали тексты правильнее, нежели чистовой; б) инвентарь к чистовым песням свадебным — в объеме переписанных по поручению самого П. В. Киреевского; в) к остальным.

Переписаны были для набора все те свадебные песни, которых в переписанном виде еще не имелось, причем „чистовые“ Киреевского были дополнены из черновиков, согласно имеющимся указаниям на черновиках.

Все переписанные песни (речь пока о свадебных только) разобраны и рассортированы по местностям и собирателям, согласно плану комиссии. Таким образом, насчитано более 1000 свадебных песен (Киреевский успел переписать и приготовить к печати 839), причем внесены из черновиков упомянутые выше песни и исключены повторения, которых набралось достаточно. Распределенных по местностям песен набралось около 700 (окончательная нумерация проставляется по подготовке песен к печати перед отсылкой в типографию). В этих песнях представлены 14 великорусских губерний: Архангельская, Пермская, Новгородская, Псковская, Тверская, Костромская, Московская, Тульская, Калужская, Казанская, Тамбовская, Орловская, Воронежская и Симбирская. Затем выделена следующая группа песен, переписанных Киреевским для своего издания из ученых изданий; таких песен немного — около 40; они уже сверены с оригиналом.

Следующая обширная группа — приблизительно до 250 №№, взятых Киреевским из старинных песенников; эти частью уже сверены и расположены в порядке песенников; затем образовалась группа — около 60 песен, происхождение коих ни по местности, ни по другим признакам осталось неопределенным; наконец, под названием „мелочи“ осталось около 10 песен единичных из разных местностей, далеко лежащих от района, охватываемого основным фондом. Все это, с добавлением некоторых других обрядовых песен (несколько десятков) и свадебных обрядов, разысканных в черновиках к песням, подготовленным самим Киреевским, должно составить 1-й том, теперь печатаемый.

К тому, согласно плану, выработанному комиссией, приложены будут: а) краткое предисловие редактора издания В. Ф. Миллера; б) биография П. В. Киреевского, которую согласился приготовить (и, сколько мне известно, уже готовит) М. О. Гершензон; в) описание собрания рукописей Киреевского с заметкой о Петре Васильевиче как собирателе и издателе песен; то и другое постепенно подготавливается мною попутно с корректурой песен и г) портрет П. В. Киреевского: он еще не сделан и не выбран; мне известен карандашный рисунок Е. Мамонова в известном Беэровском альбоме (см. № 4), до сих пор не изданный; д) указатель

к песням по начальным строкам; указатель не составлен, но материал к нему уже готов: это упомянутые выше указатели к собранию, которые по окончании печатания песен легко превратить в указатель к тому, заменивши цифры рукописных песен печатными их №№ в томе.

Переписанные и рассортированные песни постепенно готовились к печати и отдавались в типографию. Набор начат был в январе настоящего года, причем выработанный тип издания в виде пробного первого листа, после исправлений, одобрен комиссией. По образцу этого первого листа продолжался набор. До начала лета было отпечатано $2\frac{1}{2}$ листа. Вина в такой медлительности работы падает не на типографию, энергично и аккуратно исполняющую заказ, а, с одной стороны, на членов комиссии, принимавших более деятельное участие в исполнении поручения Общества, Е. Н. Елеонскую, меня, А. В. Маркова. Занятые другими делами, мы не могли и не можем уделять много времени хлопотам по изданию, главная вина в этом отношении падает на меня: на меня возложена комиссией подготовка оригинала к изданию и сверка корректурных гранок. Но вина комиссии и исполнителей ее поручения в значительной степени ослабляется крайне неблагоприятными условиями пользования рукописями Киреевского: несмотря на предпринятые комиссией и ее председателем В. Ф. Миллером Обществом старания получить в распоряжение Общества бумаги Киреевского, хлопоты не увенчались успехом; поэтому пришлось и приходится довольствоваться временем с 11 до 3-х часов, в течение которых открыто рукописное отделение Румянцевского музея, где хранятся рукописи; часы и сами по себе неудобные для людей, как раз в эти часы менее всего располагающих досугом. На лето пришлось, ввиду того, что все работники по изданию разъехались, остановить печатание и подготовку оригинала, поскольку это последнее связано с занятиями над подлинными рукописями собрания Киреевского. Работы по печатанию возобновились в конце августа, и относительно свободное время в конце августа и начале сентября дало возможность вести работу быстрее: до настоящего дня сдано в набор более 500 песен, из них уже набрано в гранках и сверстанном виде 259. Есть надежда, что печатание пойдет энергичнее, нежели весной, так как значительная часть техники издания уже выработана.

Порядок чтения корректур принят нами такой: гранки оттискиваются в трех экземплярах: один экземпляр отсылается В. Ф. Миллеру, который следит главным образом за правильностью разделения текста, проставляет знаки препинания, дает руководящие замечания, следит за недостатками набора и оригинала, мною подготовляемого; второй экземпляр направляется в Румянцевский музей вместе с оригиналом набора, где обычно Е. Н. Елеонской и мною выправляется по подлинникам; затем мной делается на третьем экземпляре гранок сводка поправок, после чего этот экземпляр гранок идет в верстку. Последняя (3-я) корректура еще раз перед подписью сличается с подлинниками. К печати подписываю листы я.

Расположение материала в листах идет согласно плану, выработанному комиссией: образец представляю здесь.

Несколько соображений технического свойства: до сих пор в напечатанные листы и сверстанные вошло в $4\frac{1}{2}$ листа 223 песни, причем самая сложная часть набора, занимающая сравнительно много места, именно обряд и песни с вариантами в значительной степени уже прошли в набор; в несверстанной части песен осталась меньшая половина таких песен, а в подготовляемых к печати (около 400—500 песен) таких песен почти вовсе нет. При таком расчете остается уместить в листах около 700 песен; в листе песен без вариантов и без обряда, как показали первые листы, входит круглым счетом 40—50, таким образом, на остальные песни,

кроме подверстанных, потребуется около 18 листов; стало быть, весь текст песен уместится на 22 листах или около того, так как если пойдут мелкие песни (а таких много), то их поместится и больше — от 50 до 60; так, на 4-х сверстанных да еще с обрядами и вариантами уместилось около 200. Таким образом, думаю, что скорее выйдет меньше, нежели больше 22 листов. Ввиду этого, может быть, условное решение комиссии поместить, если окажется место, в настоящем томе и все остальные обрядовые песни собрания (а их, как я говорил, немного) осуществится.

В таком положении находится дело печатания песен П. В. Киреевского.

М. С п е р а н с к и й

25.IX.10»⁸⁸

Первый выпуск «Песен, собранных П. В. Киреевским», открывший собою так называемую «Новую серию», был издан под редакцией В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского в 1911 г. Осенью 1917 г. под редакцией Сперанского (в 1913 г. Миллер умер) выпла первая часть второго выпуска и в 1929 г. — вторая часть его. Всего было издано 2988 номеров народных песен.

Издание «Новой серии» песен Киреевского получило в науке весьма высокую оценку. М. К. Азадовский, например, противопоставляя «Новую» серию «Старой», решительно заявлял: «...только издание лирических песен <т. е. «Новая серия». — А. Б.> является вполне научным изданием»⁸⁹.

Следует учесть, конечно, что «Новая серия» издавалась в то время, когда наука о фольклоре по сравнению с ее состоянием в середине XIX в. сделала огромный скачок. Важно и то, что во главе издания стояли такие авторитетные ученые, как В. Ф. Миллер и М. Н. Сперанский. Уже эти факты, казалось бы, служат показателем несомненного преимущества издания «Новой серии» перед «Старой». Однако сложность материала привела к тому, что и новое издание страдает рядом существенных недостатков.

Принятый издателями принцип расположения песен по областям их бытования в свое время получил положительную оценку в критике. В. И. Резанов, например, считал его «безусловно объективным». В рецензии на вторую часть второго выпуска «Новой серии» он писал: «...получается вполне отчетливая картина того, какой материал дается для изучения и характеристики бытовой лирической и устно-народной поэзии по каждой данной местности...»⁹⁰ Между тем в применении к Собранию Киреевского географический принцип печатания песен едва ли оправдан, так как дошедший до нас материал Собрания в отношении паспортизации весьма разнокачествен. Нередко не указывалось не только где записан тот или иной текст, от кого записан, но даже и кем записан. Киреевский, понимавший необходимость паспортизации материала, часто вынужден был ограничиваться лишь указанием на то, кем он доставлен. Так, например, Погодин сам записывал мало, а песен, доставленных им, большое количество. Определить в таком случае место записи невозможно. Вот почему в обоих выпусках «Новой серии» появились разделы «Песен, не определенных по местностям». Но и в том случае, если собиратель был известен, то место его жительства еще ничего не говорит о месте записи песен. Так, все песни Кольцова в описи значатся как воронежские. На самом же деле, как можно судить из примечаний поэта, записи им производились в ряде областей России, в том числе и в Москве. То же можно сказать о записях большинства других собирателей. Даже и тогда, когда место записи известно, нельзя прямолинейно те или иные песни связы-

вать с той областной традицией, где производилась запись. Так, например, Киреевский в 1834 г. в Новгороде записал много песен от солдата-туляка.

Издатели «Новой серии», как и сам Киреевский, понимали, что причислить эти песни к новгородским нет оснований. Они отнесли их к тульским, но и в этом случае совершили ошибку. Очевидно, что солдат-туляк во время службы воспринял песни и других областей страны, которые к тульским не имеют никакого отношения.

Но недостатки расположения песен по областям их записи заключаются не только в трудности их локализации. Для выяснения идейно-художественных особенностей песен крайне важно знать, кем они записаны. В конечном итоге принципы отбора и качество записей определяют лицо песен. Издатели же «Новой серии» вопросу, кем записаны песни, особого значения не придавали. К чему приводит такое пренебрежение, покажем на одном примере. В архиве Киреевского сохранилась тетрадь песен (ЛБ, ф. 125, п. 47, лл. 1377—1402), записанных Никитиным в Орле и доставленных в Собрание Якушкиным. В тетради содержатся песни различного характера. Следуя своему принципу расположения материала, издатели выбрали из тетради свадебные песни и напечатали их в первом выпуске, указав, что они записаны в Орле Никитиным (№ 547—551). Другая часть свадебных песен, очевидно по недосмотру, напечатана под рубрикой «Мпесского уезда д. Занкина» (статьи, нужно не «Занкина», а «Заикино») под № 540—546. В этом случае фамилия собирателя не указана, хотя издателям она была известна. Песня же «Ох, с похмелья молододу» напечатана в разряде хороводных под № 1139. Наконец, необрядовые песни напечатаны во второй части второго выпуска (№ 1935—1968) под рубрикой песен, записанных в Орле, но также без указания фамилии собирателя.

Аналогичных примеров можно было бы привести множество. Нет нужды говорить, что такое произвольно-хаотическое расположение материала может создать новые ошибки.

Что же касается отбора материала, то и здесь допущено много промахов. Издатели стремились к тому, чтобы напечатать все неизданные тексты, собранные группой Киреевского. Они обоснованно считали, что ранее напечатанные тексты, для того чтобы не разрушать единства Собрания, включать в «Новую серию» не нужно. Однако практически своего намерения они не выполнили. Часть печатного материала они включили совершенно сознательно. Так, в первом выпуске напечатаны песни из «Ученых записок Московского университета», из песенников Чулкова — Новикова, «Веселой Эраты», Прача — Львова, из Глазуновского и Гурьяновского песенников, из «Московского сборника» и др. Много (более ста) печатных текстов включено и во второй выпуск — из «Северной пчелы», «Денницы», «Русской беседы», из «Быта русского народа» А. Терещенко, из «Сочинений» Якушкина и т. п. В особенности много перепечаток из «Старой серии». В этом был бы смысл, если бы издатели сохраняли коллекции собирателей, но они этого не делали, а, наоборот, сами разрушали их. Какой, например, был смысл перепечатывать из «Старой серии» уральские песни, доставленные Далем (№ 2520—2530), ббльшая половина которых (шесть из девяти) была уже напечатана?

Значительное количество печатных текстов включено в «Новую серию» по недосмотру издателей (в особенности их много во второй части второго выпуска). Укажем на некоторые из них. Песня «Ах, далече, далече в чистом поле» (№ 2653) напечатана в сборнике Чулкова — Новикова и перепечатана в своде «Великорусских песен» А. И. Соболевского (т. VI, № 320). «Ах, талан ли мой, талан такой» (№ 2655) перепечатана из Чулкова — Новикова (см. Соб., т. VI, № 223). «Во лесочке комарочков много уроди-

лось» (№ 2672) — из сборника Львова — Прача (см. Соб., т. IV, № 569). «Во саду было во вишенье» (№ 2679) — из сборника Чулкова — Новикова (см. Соб., т. II, № 310). «Грушица, грушица моя» (№ 2694) — из того же сборника (см. Соб., т. V, № 4). «Заплетися, плетень, заплетися» (№ 2716) — из песенника 1773—1778 гг. (см. Соб., т. VII, № 670). «Как у ласточки у касаточки» (№ 2737) — из сборника Чулкова — Новикова (см. Соб., т. VI, № 56). «По реке, по реке да по реченьке» (№ 2805) — из того же сборника (см. Соб., т. VIII, № 194). «Сторона ль моя, сторонушка» (2834) — тоже (см. Соб., т. VI, № 175) и т. д. и т. п. Все эти тексты никак не оговорены и выдаются за собранные группой Киреевского.

Хотя по сравнению со «Старой серией» в «Новой серии» песен, не принадлежащих Собранию Киреевского, значительно меньше, все же по отбору материала она не является единой, и пользоваться ею нужно с крайней осторожностью. Отметим, что и в «Новую серию» попало известное количество материалов, собранных во второй половине XIX в., не связанных с Собранием Киреевского.

Если же обратиться к паспортизации текстов в «Новой серии», то со всей решительностью нужно заявить, что она сделана крайне небрежно, гораздо хуже, чем в «Старой серии». Все в ней перепутано. Укажем на некоторые ошибки в паспортизации текстов в «Новой серии».

1. Не указаны собиратели песен. Так, не отмечено, что песни № 67—93 (в. I) записаны Н. Карнауховым, хотя они взяты из той же рукописи, что и песни № 94—108, под которыми фамилия Карнаухова проставлена. Непонятно, почему песня № 109 из той же коллекции исключена из карнауховских. Под песнями № 114—122 означено, что они записаны от некоей Феклы 9—11 сентября 1834 г. в Новгород, но фамилия записавшего (Киреевского) не проставлена. Фамилия Киреевского не проставлена и под песнями № 170—198, 268—271, 294—350. Под текстами № 450—472 не указана фамилия Якушкина, а под № 477 — К. Д. Кавелина. К песням № 731—861 сделано примечание: «Следующие далее песни свадебные, обозначенные этой рубрикой, составляют отдельную группу: местности, где они записаны, точно не определяются на основании материалов, собранных П. В. Киреевским» (стр. 204). Между тем материалы Собрания дают возможность паспортизации и этих текстов. Не отмечено, что песни № 1185—1276 записаны Г. Портововым, хотя свадебные песни из той же коллекции (№ 9—32) подписаны его именем. Не указана фамилия собирателя — Н. Борисова — под песнями № 1277—1328, хотя они печатались с оригинала, на котором есть подпись собирателя. То же самое относится и к песням № 1612—1623, записанным П. А. Улыбышевой. Под песнями № 1632—1661 фамилия собирателя — К. Д. Кавелина — указана предположительно, хотя в архиве сохранился оригинал с его автографом. Тексты № 1815—1816 записаны Якушкиным, но фамилия его не проставлена. Не отмечено под текстами песен № 1845—1849 имя Кавелина, под текстами № 1935—1963 — имя Никитина, под текстами № 2357—2367 — имя Киреевского, под текстами № 2531—2532 — имя Н. М. Языкова. Лишены всякой паспортизации песни № 2583—2878 (почти триста текстов!), хотя на основании сохранившихся материалов сделать это было не трудно.

2. Фамилии собирателей иногда пишутся искаженно, указываются неверно их инициалы. Так, Николай Борисов обозначен А. Борисовым (в. I, стр. 21), Н. А. Костров назван П. А. Костровым (в. II, ч. I, стр. 72), К. Д. Кавелин именуется Д. А. Кавелиным (в. II, ч. II, стр. 19), П. И. Перевлесский назван И. И. Перевлесским (в. II, ч. II, стр. 81) и т. д.

3. Путаются названия населенных мест. Так, д. Заикино названа д. Занкино (в. I, стр. 150); с. Языково — Злыково (в. II, ч. II, стр. 209), д. Воронки переименована в Воронеж (в. II, ч. II, стр. 240) и т. д.

4. Песни одних собирателей приписываются другим. Так, указано, что песни № 57—65 доставлены из Архангельска Далем, а между тем они записаны Ржевицким в Симбирской губ. Песни № 1819—1828 значатся записанными Кавелиным, на самом деле автографа его нет и нет никаких оснований числить за ним эти песни. Песня № 1998 отнесена к Орлу и включена в число песен, доставленных Якушкиным. В действительности же она записана не в Орле, а в Киреевской Слободке неизвестным собирателем (скорее всего «Никитушкой»). Песни № 1971—1976, как указывается, записаны самим Киреевским от некоего Никитушки. Черновой же автограф не Киреевского, а неизвестного лица; вероятно, Никитушка — один из близких Киреевского — был не певцом, а собирателем.

5. Довольно часто искажаются места записей песен. Так, заявляется, что песни № 540—546 записаны в д. Заикино Мценского у., тогда как они записаны в Орле. Тексты песен № 1859—1874 отнесены к Ряжскому у., в действительности же они записаны в Рязанском у. Песня № 2409 отнесена к самарским, а в действительности она симбирская, песни же № 2518—2519 названы орловскими, в то время как они были записаны в Симбирской губ. На основании пометы «Улыбышева» издатели «Новой серии», пользуясь географическим справочником Семенова, отнесли песни № 2560—2564 к Владимирской губ. На самом же деле они записаны в Тульской губ., а «Улыбышева» не деревня, а известная собирательница песен П. А. Улыбышева.

6. Иногда не указывается время записи (там, где оно известно), опускаются примечания собирателей, а нередко примечания собирателей выдаются за примечания Киреевского и т. п.

Более тщательно подошли издатели «Новой серии» к печатанию самих текстов песен. Как правило, тексты печатались с подлинных оригиналов собирателей, со всеми их особенностями. Основной недостаток текстологической работы издателей заключается в том, что они не отмечали случаев сомнительного прочтения слов и фраз, а таких случаев довольно много. Укажем на некоторые случаи такого неверного чтения издателями текстов песен.

Например, начало песни № 2357 напечатано так:

Вылетал сокол из долины,
Выронял сизо перушко в долину;
Тяжко лежать сизу перушко в долине,—
Точно жить не <на> родине — на чужбине.

В рукописи же (ЛБ, ф. 125, п. 49, л. 1686):

Вылетала соколино по долине,
Выроняла сизо перушко в долину;
Тяжко лежать сизу перушко в долине,—
Точно жить сиротине на чужбине.

В песне № 1098 ст.: «Покумимся, кушушка» должен читаться: «Покумимся, кумушка». Ст. «Грибитесь, ребятаушки, на сторону на свою» (№ 2117) должен читаться: «Грибитесь, ребятаушки, на сторонку на свою». Ст. «Ах, как нет в свете ненужнее меня» (№ 2590) в рукописи читается: «Ах, как нет в свете несчастнее меня».

Иногда в песнях пропускаются целые строки. Так, песня № 2391 напечатана:

Мимо леса, мимо темного,
 Мимо садику зеленого
 Пролегала тут дорожьишка;
 Никто по ней не прохаживал.
 По ней шли только два молодца удалые,
 Два рекрута новобранные;
 Они, идучи, возгаркнули,
 Возгаркнувши, горько всплакнули...

Эта же песня в подлиннике:

Мимо лесу, мимо темнова,
 Мимо садику зеленова
 Пролегала тут дорожьишка;
 Нехто по ней не прохаживал,
 По ней только шли два молотца удалыя,
 Два рекрута новобранные;
 Оне, идучи, возгаркнули,
 Возгаркнувши, горько всплакнули,
 Свою сторону вспомянули

Как видим, в печатном тексте не только опущена одна строка, но и снята фонетическая форма записи. Это значит, что песня печаталась не с оригинала, а с копии. Случаев печатания песен с копий очень много, и, как правило, диалектная форма записей снимается. Так, например, почти все тексты из раздела нелокализованных песен изданы с копий. Впрочем, много песен и из других разделов печаталось также с копий.

В редких случаях, по недосмотру, две песни объединяются в одну и печатаются под одним номером. Так, под № 1295 напечатаны две песни. Первая оканчивается строкой «Не во дальнюю да во Московску», другая же начинается строкой «Гуси-лебеди летели». Бывает и наоборот, когда одна песня делится на две. Так, один текст разбит на две песни и напечатан под № 1670 и 1671.

Итак, «Новая серия» содержит довольно много текстологических погрешностей (здесь приведены только отдельные примеры), поэтому пользоваться ею нужно с известной осторожностью. Большим недостатком издания является отсутствие самых элементарных текстологических и историко-ведческих комментариев к песням. Главный же и основной недостаток «Новой серии» состоит в том, что она далеко не исчерпала весь находившийся в архиве материал.

«Заканчивая» печатание архива Киреевского, П. Н. Сакулин, председатель Общества любителей российской словесности, во вступлении ко второй части второго выпуска заявил: «Лишь теперь оказалось возможным довести издание до *полного* конца и дать науке весь известный нам материал, собранный П. В. Киреевским и его усердными сотрудниками»⁹¹. То же самое подтвердил и Сперанский, редактор издания, сказав, что в «Новую серию» не включены «только несколько „нехороших“ (по терминологии П. В. Киреевского) песен, совершенно неудобных для печати»⁹². Издатели «Новой серии», поставив перед собой задачу исчерпать весь материал архива, считали, что они выполнили ее до конца.

Научный авторитет издателей был весьма высок, вот почему исследователи до последнего времени верили им и не считали нужным обращаться к самому архиву. Но даже при довольно беглом знакомстве с историей издания песен Киреевского становилось очевидным, что опубликовано

далеко не все, имеющееся в архиве. Было известно, например, что сборником «Русских народных стихов» Киреевского и шестью томами (выпусками) «Калек переходящих» Бессонова все запасы не были исчерпаны. В производстве находились еще три выпуска⁹³, и, как уверял Бессонов, всего должно было выйти двенадцать томов стихов⁹⁴. В эти двенадцать томов, впрочем, не предполагалось включение религиозных песен различных сектантов; подобные песни довольно широко представлены в Собрании Киреевского и сохранились до нашего времени.

Не исчерпали всех материалов Собрания и изданные Бессоновым десять выпусков исторических песен и былин. Многие тексты в «Старой серии» печатались не полностью, а приводились лишь указания на «разночтения» вариантов. Так, например, из пяти текстов былины «Илья Муромец на Соколе-корабле» напечатан только один (в. I, стр. 22—23); не напечатана былина о Василии Казимировиче в записи А. Харитонова (в. II, стр. 83—89); в разночтениях приведены и четыре варианта песни о пожаре Москвы (в. VII, стр. 31); из тринадцати текстов эпической песни о сынке Степана Разина двенадцать даны в разночтениях (в. VII, стр. 34—40) и т. д. и т. п. Некоторые былины и исторические песни не попали в издание по недосмотру самого Бессонова (они частично были напечатаны Сперанским в «Новой серии»). Известная же часть их не была опубликована, очевидно, по цензурным соображениям.

В Собрании Киреевского значительное место занимали произведения детского фольклора, которые и были использованы Бессоновым при издании популярной книги «Детские песни» (М., 1868). Но, как видно из сохранившихся материалов, Бессонов использовал для этого издания лишь незначительную часть. По его собственному признанию, им готовились к печати еще два-три тома детского фольклора, но он не мог их издать из-за недостатка денежных средств⁹⁵.

Кроме собственно великорусских песен, Киреевский стремился приобрести в свое Собрание песни и других славянских народов — белорусов и украинцев. С целью собирания песен и привлечения новых собирателей он совершил поездку в Белоруссию. Неизвестно, удалось ли что-нибудь ему самому записать там, но связи были налажены, и результаты не замедлили сказаться. Еще в предисловии к «Русским народным стихам» Киреевский указал на то, что Ю. П. Гудвилевич предоставил ему весьма замечательное собрание песен Минской губ. (стр. V). Издание белорусского материала намеревался осуществить Бессонов, напечатавший один выпуск «Белорусских песен» (М., 1861), в который вошли произведения обрядового фольклора белорусов. Поскольку на вышедшей книге стояло «выпуск I», следовательно, в распоряжении Бессонова были и другие материалы, которые он предполагал издать. Позднее Бессонов заявил, что в Харькове он намеревался осуществить издание еще двух томов белорусских песен⁹⁶.

Каков был объем украинского фольклора в распоряжении Киреевского, не ясно: известно только, что при издании «Русских народных стихов» он из украинских собирателей назвал лишь Гоголя и М. А. Максимовича. Из украинских материалов увидели свет только песни, собранные Гоголем⁹⁷. Было ли это все, что передал великий писатель прославленному собирателю, сейчас сказать трудно. То, что в архиве были материалы и других украинских собирателей, свидетельствует Бессонов. По его утверждению, украинские песни из Собрания Киреевского вместе с его приобретениями могли бы составить целый том⁹⁸. О сохранности украинских песен в архиве говорил и Сперанский. При описании архива Киреевского он указал на следующие листы — записи украинских песен:

«131—178, 179—183. Песни малорусские и великорусские неизвестного происхождения <...>

- 401—424. Малорусские песни — автограф Н. В. Гоголя (кроме двух из 46 песен) <...>
 441—447. Малорусские песни, числом 5 <...>
 1095—1098. Три малорусские песни без приурочения <...>
 1440. Четыре песни (одна малорусская) неграмотного письма без обозначения...»⁹⁹

Все эти материалы до сих пор не изданы.

Сколько лирических песен было в архиве Киреевского, мы не знаем: Бессонов назвал этот материал «наиболее обильным...», но цифры не назвал.

Уже эти факты свидетельствуют о том, что Собрание песен Киреевского было издано далеко не полностью. Это подтвердилось и специальными архивными разысканиями П. Д. Ухова.

V

Занимаясь изучением типических мест (*loci communes*) в былинах, П. Д. Ухов в конце 1950-х годов поставил перед собой задачу паспортизировать тексты «Старой серии» песен Киреевского. Для этого исследователю потребовались какие-то отправные точки, например, заявляя он, «необходимо было выяснить, кем записан тот или иной текст»¹⁰⁰. Подобного указателя Бессонов в свое время не сделал, и П. Д. Ухову пришлось затратить немало труда на его составление. Им же был составлен и алфавитный указатель ко всем текстам «Старой серии»¹⁰¹. Многое открыв, этот труд еще больше поставил вопросов и загадок. П. Д. Ухов, например, обратил внимание на то, что материалы Кольцова значились напечатанными, в то время как их не было ни в одном выпуске. Для выяснения подобных вопросов исследователь обратился к архиву Киреевского.

Уже первые дни работы в архиве дали неожиданные результаты. Были обнаружены собственноручные записи былин П. Н. Рыбникова, считавшиеся утерянными¹⁰², неизданные тексты лирических песен в записях самого Киреевского и его корреспондентов. Количество находок росло с каждым днем. Становилось ясно, что заявления Сперанского и Сакулина не соответствуют истинному положению дел. Естественно, возникал вопрос: как же это могло случиться? Ведь ненапечатанными оказались не только песни, которых издатели не видели, но и те песни, которые были ими описаны. Вопрос этот до сих пор недостаточно ясен, но главное, кажется, заключается в самой сложности материалов Собрания. Для его изучения требовались годы систематического труда в архиве¹⁰³.

Сложность, хаотичность материала заключается главным образом в том, что одни и те же песни встречаются во многих вариантах, разбросанных не только по различным единицам хранения, но и по разным хранилищам. Приведем несколько примеров. Так, песня «Юж ты, степь моя, степь Моздовская», записанная Якушкиным (НС № 1761), сохранилась в пяти списках, причем четыре списка находятся в ЛБ. Первый список помещается в картоне 48 (л. 1459). Здесь песня в числе других входит в тетрадь (лл. 1449—1472), на которой помечено: «Лихвинск. у. с. Андроновское». Почерк в тетради — не Якушкина. Второй список — в картоне 47 (л. 1301), песня находится в первой тетради «Русских народных песен, собранных летом 1843 года». Почерк в тетради — тоже не Якушкина. Третий список — в картоне 12 (л. 3008) на отдельном листке в $\frac{1}{8}$ — копия рукою М. В. Киреевской. Четвертый список — в картоне 8 (л. 2354) — на отдельном листке в $\frac{1}{8}$ — копия рукою Е. И. Мойер. Пятый список находится в ГИМе (ф. 56, п. 44-а, л. 150), тетрадь — автограф Якушкина. Все тетради, содержащие эту песню, не являются идентичными, а

включают разные песни (некоторые песни повторяются во всех тетрадах). Иногда одни и те же песни встречаются в автографах разных собирателей. Так, песни № 1829—1837, напечатанные во второй части второго выпуска, в оригинале находятся у двух собирателей. В картоне они включены в тетрадь — автограф Д. Г. Воздвиженского, который доставлял песни из Костромской губ. В картоне 48 они в тетради — автограф А. Н. Попова, доставлявшего их из Рязанской губ. В печати они значатся рязанскими. Некоторые собиратели наряду с оригинальными, ими записанными песнями присылали и песни, списанные из печатных источников. Так, например, поступал Н. С. Селивановский, и часть его печатных песен была опубликована Сперанским в качестве оригинальных. Разобраться в архиве оказалось трудным делом. Вот почему Сперанский, глубоко не вникнув в состояние архива, часто печатал тексты из первого попавшегося под руки источника.

Если известная часть песен оказалась ненапечатанной вследствие того, что издатели не изучили материалов архива, то другая часть их не была напечатана сознательно. Так, в ЛБ, ф. 125, в последнем по порядку картоне (он должен был значиться под № 61, но официально не нумерован) на одном из листов — листы этого картона пагинации не имеют — сохранилась следующая запись переписчицы (ее рукой переписаны все тексты «Новой серии»): «Несколько не народных не переписаны». О каких конкретно песнях идет речь, не ясно, но очевидно, что переписчице было дано право самой решать судьбу песен. Субъективные же вкусы при оценке качества народных песен приводили к тому, что ценный материал оказывался вне печати.

Насколько можно доверяться переписчице при оценке народных песен, видно по следующему тексту, который напечатан издателями под № 2663:

Вдруг с полночи
У нас зашумело:
Роговая музыка
Гремела,
Чтобы все вставали,
Время не теряли
Бум-бум-бум! 2
Удалой под метой пожимается,
Тебя, милый друг, дожидается.
Понофидии! Вставай,
Умывайся — утирай рожу!
Бум-бум-бум! 2

Включено в издание и много «нехороших» песен, о которых говорил Сперанский (см., например, № 1413, 1443 и мн. др.). И, напротив, многие записи Якушкина (в том числе и рабочие песни) остались неизданными.

О плохом знании архива Сперанским свидетельствует и такой факт. Специально занимаясь песнями Пушкина, находящимися в Собрании Киреевского, Сперанский заявил, что оригиналов этих песен, напечатанных Бессоновым в V и X выпусках, в архиве не найдено. Так в науку вошла версия об исчезновении этих оригиналов. Но эти оригиналы (вернее, копии Киреевского с песен, записанных Пушкиным) не пропадали. Они хранятся в бумагах соответствующих выпусков «Старой серии».

«Новая серия», как это видно из сказанного, далеко не исчерпала материал Собрания. Разумеется, повинны в этом не столько промахи издателей, сколько состояние архива, дошедшего до нас после Бессонова.

Основная часть материалов находится в фонде Киреевского (ф. 125) в Отделе рукописей ЛБ. Это те материалы, которые были сданы на хране-

ние в Румянцевский музей Обществом любителей российской словесности¹⁰⁴. С этой части материалов в основном и печаталась «Новая серия». Другая часть их оказалась в Отделе письменных источников ГИМа. Как она попала туда?

После смерти Бессонова в 1898 г. в Харькове его архивом заинтересовался П. И. Щукин. Он приобрел бессоновские бумаги, которые и поступили в музей. Можно думать, что Бессонов в свое время взял себе материалы из Собрания Киреевского. После того как архив Киреевского был сдан на хранение в Румянцевский музей, Бессонов продолжал пользоваться материалами Собрания, теперь уже давая расписки в их получении. Сам он заявлял об этом: «...бумаги Киреевского сданы в Румянцевский музей на хранение, с распискою ревностного хранителя А. Е. Викторова; отсюда же порою брал с распискою (и возвращал) Бессонов для продолжающегося издания (до 1879 года)»¹⁰⁵. Однако в том, что Бессонов *всегда* возвращал взятые в музей материалы, сомневался уже Сперанский. Он писал: «Одна из таких расписок (именно: на просьбе Н. В. Калачева, председателя Общества, выдавать П. А. Бессонову из Румянцевского музея отдельные пачки) сохранилась; здесь возвращаемое зачеркивалось; последняя пачка осталась не зачеркнутой (не возвращена?). Просьба Н. В. Калачева 18 ноября 1867 г., первая получка Бессонова была 29 декабря того же года, последние (не отмеченные, как возвращенные) 1873 г. в марте и апреле»¹⁰⁶. У Бессонова оказались многие из тех песен, которые были описаны Якушкиным, М. А. Стаховичем и Елагиными (например, собрание песен Кольцова и др.). Эта часть архива Киреевского издателям «Новой серии» была известна не полностью. По-видимому, они были знакомы лишь со связкой, в которой хранятся копии этих песен.

Некоторое количество песен находится в фонде Киреевских — Елагиных в ЦГАЛИ, в частности, некоторые копии Бессонова с белорусских песен из периодической печати (в основном из губернских ведомостей) первой половины XIX в. и др. Как попали в этот фонд материалы из Собрания Киреевского, неизвестно. Еще более трудно выяснить, как попали материалы из Собрания Киреевского в фонд Ф. Н. Глиники (ф. 141), где обнаружены подлинные записи песен К. Д. Кавелина, собранные им в с. Иваново Белевского у., с пометами Киреевского и Бессонова. Здесь же подлинные записи песен С. П. Кораблева, и различные бумаги Бессонова (так называемые «Хронологические тетради»), и черновая рукопись «Духа русской поэзии» Н. А. Цертелева (беловая рукопись находится в ГИМе в ф. Бессонова — Щукина) и т. д.

Два любопытных документа обнаружены в фонде Е. В. Барсова в ГИМе. Это — переплетенная тетрадь в $\frac{1}{4}$ в 119 листов, озаглавленная «Песни народа червонорусского». Эти песни были собраны И. Б. Паулем (ф. 444, ед. хр. 772). На л. 1 тетради рукою Киреевского помечено: «Куплено мною у М. П. Погодина в 1838 г. П. К.» На обороте того же листа рукою О. М. Бодянского: «Получ. от П. В. Киреевского 18 сентября 1848 г. О. Бодянский». Второй документ — так же переплетенная тетрадь в $\frac{1}{8}$ в 19 листов, озаглавленная «Вирши и песни». На последнем листе рукою Киреевского написано: «Доставлены от Г. Васильевича. П. К.» Ниже рукою Бодянского: «Получено от П. В. Киреевского 18 сент. 1848 г. Москва. О. Бодянский». Оба эти документа — свидетельство интереса Киреевского к поэзии украинского народа.

Всего из Собрания Киреевского было опубликовано более 4500 песен. Около 1000 текстов — песни из печатных источников, около 500 текстов — дубликаты (различные копии, снятые с оригиналов). Всего же было выявлено более 3000 песенных текстов. При сознательно преувеличенном подсчете до нас дошло около 9000 песен. Если иметь в виду,

ТЕТРАДЬ ИЗ АРХИВА П. В. КИРЕЕВСКОГО С ОБРАБОТКАМИ МЕЛОДИЙ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ДЛЯ ГИТАРЫ

Автограф неизвестного лица, б. г.

Листы первый и второй

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

что в Собрании Киреевского находилось несколько десятков тысяч песенных текстов, то можно себе представить, какого количества их все еще недостает.

Песни начали исчезать еще при жизни Киреевского. Выше приводились свидетельства Якушкина и В. А. Елагина о том, что многие песни, взятые друзьями Киреевского для прочтения, не были потом возвращены. «Эти пропавшие драгоценности, — писал Якушкин, — известны многим (...). А мне, занимавшемуся у Петра Васильевича более двадцати лет по части собирания песен, слишком хорошо известны эти рукописи»¹⁰⁷. Действительно, в упоминавшейся черновой описи Якушкина не названы рукописи многих собирателей, которым Киреевский в предисловии к «Русским народным стихам» выразил благодарность за доставленные ему материалы. В описи не значатся, например, материалы Пушкина, И. М. Снегирева, С. П. Шевырева, Н. М. Рожалина, А. Ф. Вельтмана, И. М. Клементьева, Ю. П. Гудвиловича, М. А. Максимовича и др. Не обнаружены их собрания и в архиве (частично сохранились лишь копии песен этих собирателей). Немало материалов пропало во время печатания «Старой серии». Исчезли, например, некоторые материалы, числившиеся в черновой описи Якушкина. Так, до сих пор не обнаружены записи Журавлева, Ржевицкого и др. О пропаже песен во время печатания «Старой серии» свидетельствует и следующий факт. В фонде Бессонова, хранящемся в ГИМе, находится опись солдатских песен, составленная Якушкиным, очевидно, при под-

готовке к печати своего сборника. Многих из этих песен нет ни среди напечатанных, ни среди вновь обнаруженных.

Неизданные тексты песен, хранящиеся в архиве Киреевского, представляют исключительную научную ценность. Новонайденный материал был охарактеризован П. Д. Уховым в упоминавшемся выше докладе на IV Международном съезде славистов (Москва, 1958). Поэтому ограничимся здесь лишь краткими замечаниями.

Изданием «Старой серии» почти все записи былин, находящиеся в Собрании Киреевского, по-видимому, были исчерпаны¹⁰⁸. Некоторые записи Бессонов напечатал в разночтениях, хотя они и представляют собой оригинальные тексты (например, очень редкая былина «Добрыня Никитич и Василий Казимирович» в записи А. Харитонова была напечатана в качестве разночтения к былине «Василий Казимирович», записанной адм. Кузьмищевым)¹⁰⁹; иные тексты оказались напечатанными неполностью (например, былина об Илье Муромце на «Соколе-корабле»). По-видимому, была не замечена Бессоновым былина-баллада о князе Михайле, записанная Киреевским в дер. Аркше под Новгородом («Поехал королюшка во зелены луга гулять»). Эти единичные тексты представляют определенный научный интерес. П. Д. Ухов писал: «Поскольку интенсивная запись былин стала производиться лишь во второй половине XIX в. и главным образом в районах Севера России, то ранние записи былин — и притом центральных областей — крайне важны»¹¹⁰.

Гораздо в большем количестве оказалось неизданных текстов исторических песен, причем многие из них с острой социальной тематикой (см., например, в указанном выше докладе П. Д. Ухова анализ исторической песни «Загулялся добрый молодец во Казани»). Неизданными оказались некоторые варианты уже известных исторических песен, а именно те, социальная направленность которых выражена особенно ярко (например, «Ты взойди, взойди, солнце красное»). Часть песен была издана Бессоновым неполностью (например, «По палатушкам царица ходила»)¹¹¹. Среди неизданных особенно много лирических песен, самых различных по своему характеру (обрядовых, семейно-бытовых, любовных, хороводных, игровых, рабочих, солдатских, ямщицких, детских и т. п.). Записи рабочих песен (их около двадцати) являются наиболее ценными¹¹², причем сюжеты некоторых рабочих песен до сих пор не были известны в науке (см., например, в докладе П. Д. Ухова песню рабочих людей начала XIX в. «Полноте, старые бродяги», обнаруженную во многих вариантах). Несомненный интерес представляют песни литературного происхождения (народные переделки стихов и песен Ломоносова, Карамзина, Нелединского-Мелецкого, Мерзлякова и др.), а также богатейшее собрание белорусских песен (около 300 текстов). Сохранились в архиве, помимо песенных жанров, записи пословиц, поговорок и загадок.

Неизданные материалы дошли до нас или в копиях, снятых Киреевским и его помощниками при подготовке песен к изданию (таких большинство), или в виде подлинных собственноручных записей собирателей. В копиях Киреевского дошли до нас, например, две неизданные песни, записанные Пушкиным. Лишь 49 из 364 песен, записанных самим Киреевским, сохранились в черновых автографах собирателя (остальные — в копиях). В архиве сохранились автографы Гоголя, Кольцова, Якушкина, П. И. Мельникова-Печерского, Д. А. Валуева, Н. А. Цертелева, К. Д. Кавелина, А. Ф. Вельтмана и др.

Полная публикация неизданной части архива Киреевского представляет исключительный научный интерес. Но это дело будущего. В настоящем же томе «Литературного наследия» в соответствии с задачами, стоящими перед этим изданием, печатаются лишь песни собирателей-литераторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЛБ, ф. 99, п. 2, ед. хр. 13.
- ² См., например, письма В. А. Елагина к П. А. Бессонову, хранящиеся в ГИМе (ф. 56, ед. хр. 139).
- ³ ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 121.
- ⁴ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X. СПб., 1896, стр. 27.
- ⁵ Эта опись до сих пор не разыскана.
- ⁶ Якушкин, стр. 463.
- ⁷ Там же, стр. 462—463.
- ⁸ ЛБ, ф. 99, к. 4, ед. хр. 80.
- ⁹ Объявление об издании песен Киреевского перепеч., например, в статье: М. Н. Сперанский. П. В. Киреевский и его собрание песен.— *НС*, в. 1, стр. XLIV.
- ¹⁰ «Молва», 1857, № 3, 24 апреля, стр. 36.
- ¹¹ «Молва», 1857, № 4, 4 мая, стр. 44; ср.: Сочинения А. А. Котляревского, т. I. СПб., 1889, стр. 76.
- ¹² «Русская беседа», 1857, т. II, кн. 6, стр. 24—25.
- ¹³ «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 4.
- ¹⁴ Якушкин, стр. 462.
- ¹⁵ *НС*, в. 1, стр. LVII.
- ¹⁶ Азатовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 339.
- ¹⁷ «Русская беседа», 1857, т. II, кн. 6, стр. 25.
- ¹⁸ «Заметка».— *СС*, в. 8, стр. L.
- ¹⁹ Впервые опубликована: Миллер, стр. 190. См. также настоящ. том, стр. 206.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 8.
- ²² «Русская беседа», 1857, т. II, кн. 6, стр. 25.
- ²³ Там же, стр. 26—27.
- ²⁴ Там же, стр. 26.
- ²⁵ Письма Киреевского к Языкову, стр. 64.
- ²⁶ «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 3—4.
- ²⁷ ГИМ, ф. 56, ед. хр. 139.
- ²⁸ ЛБ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 84.
- ²⁹ ЦГАЛИ, ф. 1293, оп. 1, ед. хр. 13.
- ³⁰ Якушкин, стр. 463.
- ³¹ ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 121.
- ³² П. Д. Ухов. П. И. Якушкин и А. Н. Афанасьев — издатели «Старой серии» песен П. В. Киреевского. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1959, № 4, стр. 170—173.
- ³³ Якушкин, стр. 464.
- ³⁴ Там же, стр. 463.
- ³⁵ Там же. — Об этом же свидетельствует и письмо М. А. Маркович (Марко Вовчок) к А. В. Марковичу от 17 сентября 1857 г. (Марко Вовчок. Твори в шести томах, т. 6. Київ, 1956, стр. 361).
- ³⁶ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X, стр. 28.
- ³⁷ М. Н. Сперанский. П. В. Киреевский и его собрание песен.— *НС*, в. 1, стр. LX.
- ³⁸ «Русский фольклор. Материалы и исследования», III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 188—189.
- ³⁹ ЛБ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 85.
- ⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 216, оп. 5, ед. хр. 690.
- ⁴¹ ЛБ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 85.
- ⁴² «Авдотья Петровна Елагина». — К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. III. СПб., 1899, стр. 1125.
- ⁴³ ЛБ, ф. 99, п. 1, ед. хр. 40.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ По-видимому, имеются в виду те песни, которые Якушкин обещал передать И. И. Срезневскому в обмен на архивные материалы Русского географического общества (см. письмо Якушкина к Н. А. Елагину от 12 января 1858 г.).
- ⁴⁶ ЛБ, ф. 99, к. 1, ед. хр. 40.
- ⁴⁷ «Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, П. Д. Катранова и других болгар. Издал Петр Бессонов». М., 1855.
- ⁴⁸ Вероятно, описка, следует читать: «И. П.», т. е. «Исторических песен».
- ⁴⁹ ЛБ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 84.
- ⁵⁰ ЦГАЛИ, ф. 193, оп. 1, ед. хр. 21.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² <Н. П. Колупанов.> Биография Александра Ивановича Кошелева, т. I, кн. 2. М., 1889, стр. 50.

⁵³ А. С. Хомяков умер 23 сентября 1860 г.

⁵⁴ ЛБ, ф. 99, п. 2, ед. хр. 59, л. 1 об.

⁵⁵ НС, в. 1, стр. LX (сноска).

⁵⁶ ЛБ, ф. 99, п. 1, ед. хр. 40.

⁵⁷ 16 января 1860 г. К. С. Аксаков выступил на заседании Общества любителей российской словесности с сообщением о согласии В. А. Елагина предоставить Обществу право на издание песен, собранных Киреевским. На следующем заседании (23 февраля) он заявлял, что дело о передаче песен приведено к окончанию, а 29 февраля К. С. Аксаков представил Обществу самое Собрание.

⁵⁸ ЛБ, ф. 99, п. 2, ед. хр. 59, л. 2.

⁵⁹ Доклад К. С. Аксакова с незначительными сокращениями опубликован в статье А. Д. Соимова «Записи былин первой половины XIX века в собрании П. В. Киреевского. (К истории собрания и издания)». — «Русский фольклор. Материалы и исследования», V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 367—381; текст доклада — стр. 371—373.

⁶⁰ Там же, стр. 371—372.

⁶¹ СС, в. 1, стр. 1.

⁶² «Русский фольклор. Материалы и исследования», V, стр. 372.

⁶³ О коллекции духовных стихов в Собрании Киреевского — см. ниже.

⁶⁴ Богатый фактический материал о работе комиссии, готовившей первый выпуск «Песен, собранных П. В. Киреевским», содержит «Записка о занятиях комиссии, составленная Бессоновым» («Русский фольклор. Материалы и исследования», V, стр. 373—374).

⁶⁵ ЛБ, ф. 99, п. 15, ед. хр. 16.

⁶⁶ Где было напечатано такое объявление, установить не удалось.

⁶⁷ ГИМ, ф. 56, ед. хр. 139.

⁶⁸ «Заметка». — СС, в. 8, стр. L.

⁶⁹ См., например: «Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности», 1860, т. IX, в. III, стр. 173—174; «Отечественные записки», 1860, № 11, стр. 37—50; 1861, № 2, 6, 7; «Русское слово», 1860, № 11, стр. 33—41; «Время», 1861, т. II, № 4, стр. 163—181; «Журнал Министерства народного просвещения», 1861, № 7, стр. 1—44; «Современник», 1861, № 6, стр. 349—366; «Русский инвалид», 1860, № 253 и др.

⁷⁰ Статья Якушкина впервые была опубликована в «Библиотеке для чтения» (1863, № 10) и перепеч. в его Сочинениях (стр. 462—480).

⁷¹ Я к у ш к и н, стр. 464.

⁷² В «Черновых материалах занятий Комиссии при издании 1-го выпуска песен П. В. Киреевского» (ЛБ, ф. 125, п. 32) хранятся печатные вырезки из книг с пометами Соболевского. Эти вырезки Бессонов, даже не перепечатаывая, включил в первый выпуск.

⁷³ А именно: И. Верещагиным, А. Ф. Гильфердингом, А. А. Григорьевым, С. И. Гуляевым, Н. И. Костомаровым, Н. С. Кохановской, С. В. Максимова, А. Н. Мордочевой (Пасхаловой), Н. А. Полевым, П. Н. Рыбниковым, П. И. Савваитовым, Д. П. Соколовым, Ф. Д. Студитским, Е. Фаворским, Н. А. Цертелевым, П. В. Шейном. Далее Бессонов напечатал несколько текстов, записанных М. П. Лисицыным (в. 5, стр. 162; в. 8, стр. 49; в. 9, прилож., стр. 111; в. 10, стр. 11, 473), заявляя, что они были доставлены лично ему. Среди корреспондентов Киреевского имя Лисицына действительно не встречается. Включать его записи в Собрание не было необходимости.

⁷⁴ Сперанский полагал, что архив Киреевского был сдан в Румянцевский музей в конце 1860-х годов. В доказательство он ссылаясь на заявление Бессонова, который в «Заметке» к восьмому выпуску писал: «Знакомый для всех „желтый чемодан“, который Киреевский возил всюду с собой и который так же точно долго после сопровождал всюду наши поездки, пока недавно С. А. Соболевский сделал для того прекрасный шкаф и поместил его уже в Московском Публичном музее» (стр. L). Восьмой выпуск вышел в 1870 г., следовательно, «недавно» — это и есть конец 1860-х годов. Выходит, что Бессонов, уезжая из Москвы, захватил с собой и архив Киреевского, чего не могло быть, как увидим ниже, так как седьмой выпуск «Песен, собранных П. В. Киреевским» в отсутствие Бессонова был подготовлен А. Н. Афанасьевым.

⁷⁵ Впервые опубликовано в статье П. Д. Ухова «П. И. Якушкин и А. Н. Афанасьев—издатели „Старой серии“ песен П. В. Киреевского», стр. 173. П. Д. Ухов датировал это письмо 1865—1867 гг. Но, как видим, его следует датировать 1867 г. П. Д. Ухов полагал также, что подготовка Афанасьевым седьмого выпуска была вызвана отстранением Бессонова от издания песен Киреевского. «Нелепость, бесположность издания Бессонова была очевидна всем, — писал он. — Общество вынуждено было отстранить Бессонова от дальнейшей работы по изданию песен. В науке, если не ошибаюсь, не было известно об этом факте» (стр. 172—173). Но Бессонов от издания песен никто не отстранял. Наоборот, стоило ему появиться в Москве в 1867 г., как его сразу же пригласили к изданию.

⁷⁶ Там же, стр. 173.

⁷⁷ См. выше, стр. 46—47.

⁷⁸ П. А. Бессонов. Калекы перехожие, в. 1. М., 1861, стр. IV.

⁷⁹ Якушкин, стр. 271.

⁸⁰ П. А. Бессонов. Объяснения на статью г. Якушкина. М., 1864.

⁸¹ Якушкин, стр. 462.

⁸² ЛБ, ф. 125, п. 25, л. 108.

⁸³ «Современник», 1861, № 6, стр. 351.

⁸⁴ «Русское слово», 1860, № 11, стр. 41.

⁸⁵ Н. Ф. Сумцов. Новая наука г. Бессонова. Киев, 1897, стр. 5 (отд. оттиск из журн. «Киевская старина»).

⁸⁶ См., например, «Отечественные записки», 1861, № 2, стр. 110; «Современник», 1861, № 6, стр. 349—366 и др.

⁸⁷ Азадовский И. История русской фольклористики, т. I, стр. 343.

⁸⁸ ЛБ, ф. 207, п. 2, ед. хр. 4.

⁸⁹ Азадовский И. История русской фольклористики, т. I, стр. 342, 90.

⁹⁰ «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», 1930, т. III, ч. 1, стр. 329.

⁹¹ *НС*, в. 2, ч. II, стр. VI.

⁹² Там же, стр. VII.

⁹³ П. Бессонов. К вопросу о собирании и издании памятников «народного песнетворчества». М., 1896, стр. 16.

⁹⁴ Там же, стр. 17.

⁹⁵ Там же, стр. 35.

⁹⁶ Там же, стр. 38.

⁹⁷ М. Н. Сперанский. К истории собирания песен Гоголя. Нежин, 1912.

⁹⁸ П. Бессонов. К вопросу о собирании..., стр. 42.

⁹⁹ *НС*, в. 1, стр. LXIII и след.

¹⁰⁰ П. Д. Ухов. Неизвестные материалы из собрания П. В. Киреевского. — «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 326.

¹⁰¹ Алфавитный указатель к «Старой серии» сохранился в архиве П. Д. Ухова. Заслуживает внимания методика его составления. Многие тексты былин и исторических песен, весьма не сходные по своему содержанию, могут начинаться с одного и того же зачина или запева. Поэтому П. Д. Ухов включал в указатель не только первую строку текста, но и последнюю. Работая в архиве, П. Д. Ухов впоследствии безошибочно определял, напечатан ли данный текст или же его вариант.

¹⁰² О находке этих рукописей П. Д. Ухов сделал сообщение на Всесоюзном совещании по эпосу угро-финских народов в Петрозаводске в октябре 1957 г. См. также его статью «Об издании „Песен“ П. Н. Рыбникова П. А. Бессоновым и А. Е. Грузинским» («Русский фольклор. Материалы и исследования», IV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959).

¹⁰³ П. Д. Ухов предполагал, что Сперанский систематически в архиве не работал (см. его неизданную монографию «Вопросы атрибуции русских народных песен»). П. Д. Ухов ссылался на следующее заявление Сперанского: «Собрание и теперь далеко не так хаотично, как представлял его П. А. Бессонов» (*НС*, в. II, ч. II, стр. LXI), что действительно не соответствует истинному положению дел. П. Д. Ухов обосновывал свое предположение тем, что в архиве сохранилось несколько пустых конвертов с надписью: «Для М. Н. Сперанского». Это, полагал П. Д. Ухов, те конверты, в которых посылались редактору материалы архива и в них же они возвращались обратно. Из публикуемого в данной статье доклада Сперанского на заседании Общества любителей российской словесности 25 сентября 1910 г. видно, что материалы архива из Румянцевского музея ни Сперанскому, ни другим членам комиссии по изданию песен Киреевского на дом не выдавались. Сперанский в архиве работал, но работал мало, поэтому полного представления обо всех материалах у него не было.

¹⁰⁴ См. прим. 74.

¹⁰⁵ П. Бессонов. К вопросу о собирании..., стр. 72.

¹⁰⁶ М. Сперанский. П. В. Киреевский и его собрание песен. — *НС*, в. 1, стр. LXI (сноска).

¹⁰⁷ Якушкин, стр. 463.

¹⁰⁸ П. Д. Ухов в докладе на IV Международном съезде славистов говорил: «Хотя П. А. Бессонов работал по изданию эпического материала П. В. Киреевского в течение десятков лет, однако по недосмотру, а иногда и сознательно он не напечатал довольно много былин» («Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов», стр. 330). Это не соответствует действительности. Не изданными, как увидим ниже, оказались лишь единичные записи былин.

¹⁰⁹ *СС*, в. II, изд. 2-е, стр. 83—89. — Сопоставив эти записи, П. Д. Ухов пришел к выводу, что обе былины были записаны от одного сказителя. В то время повторные записи почти не производились, поэтому научное значение их весьма велико. Следует,

по-видимому, согласиться с П. Д. Уховым в том, что Бессонов «не понимал значения повторных записей и обычно не печатал их, ограничиваясь разночтениями (во многих случаях неполными и неточными)» (Указ. доклад, стр. 331).

¹¹⁰ П. Д. У х о в. Указ. доклад, стр. 331.

¹¹¹ В докладе П. Д. Ухова на IV Международном съезде славистов об этой песне читаем: «Некоторые песни (их сравнительно немного) были изданы П. А. Бессоновым нарочито искаженно и с пропуском больших частей. Такова, например, песня „По палаткам царица ходила“, которую Бессонов относит ко времени Ивана Грозного. Царица, находящаяся в заточении, обращается к своим слугам с просьбой проехать по Москве для того, чтобы царь обратил на них внимание, вспомнил о ней и простил ее. Царица жалуется на то, что муж ее „старчище“ не пускает ее, молодую, на игрища. На этих словах Бессонов и оборвал песню, заявляя: „Доселе начало древней былины, а отселе переход в позднейшую мелкую женскую песню“ (сноска: „Песни, собранные П. В. Киреевским“. Вып. VI, стр. 204). Между тем вторая часть песни важна для понимания причины заточения царицы — она тайком от царя ходила на гулянья» (П. Д. У х о в. Указ. доклад, стр. 333).

¹¹² Ценность их заключается, по словам П. Д. Ухова, в том что «их собрание и публикация в первой половине XIX в. были весьма редкими», поэтому «каждый найденный текст приобретает несомненную научную ценность. Песни рабочих интересны не только как материал, позволяющий судить об общественных отношениях эпохи, но и с точки зрения общей эволюции народного поэтического творчества» (там же).